

- ¹¹⁴ Там же. С. 420, 421, 428, 434, 435, 436.
- ¹¹⁵ Коцеев А.К., Коцеев А.А. Дикорастущие съедобные растения. М., 1994. С. 93, 129, 201.
- ¹¹⁶ Теофраст. Исследование о растениях. VII.12.1–3; Декандоль А. Указ. раб. С. 37–38; Черепнин В.Л. Пищевые растения Сибири. Новосибирск, 1987. С. 124.
- ¹¹⁷ Теофраст. Указ. раб. IV.8.3; Коцеев А.К., Коцеев А.А. Указ. раб. С. 116, 117, 179, 209, 233.
- ¹¹⁸ Теофраст. Указ. раб. IX.9.1; Абу Али Ибн Сина. Канон врачебной науки. Избр. разделы. Ч. 1. Москва; Ташкент, 1994. С. 267–268; Жизнь растений. Т. 5. Ч. 2. С. 417.
- ¹¹⁹ Синская Е.Н. Указ. раб. С. 320, 354.
- ¹²⁰ Власов Вл.Г. Раннее земледелие... С. 72–73.
- ¹²¹ Этнография питания... С. 86, 211, 220, 235.
- ¹²² Там же. С. 52; Ученые земледельцы древней Италии. Л., 1970. С. 47.
- ¹²³ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1. СПб., 1996. С. 239, 240.
- ¹²⁴ Андреев А.Н. Домашний хлеб и сдоба. М., 1993. С. 33, 177–178.
- ¹²⁵ Маккена Т. Указ. раб. С. 78.

VI.G. VI a s o v. Early Agricultural Culture Formation. «Productive Economy» Transition Mechanism

The article is devoted to the history of agricultural society and its culture forming. The author gives the special consideration to the early agricultural formation including the problem of its division into periods. Establishing two conceptions of sociocultural and economic development existence he comes to the conclusion that the most productive method of this problem decision is to research mechanisms of transition to early agriculture.

The author gives the determining role which shows the character of archaic society activity the spiritual factors of early agriculture formation.

© 1999 г., ЭО, № 1

**И. А. Морозов, И. С. Слепцова,
Н. Н. Гилярова**

К ВОПРОСУ О МЕТОДИКЕ КОМПЛЕКСНОГО ИЗУЧЕНИЯ ЛОКАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ: ШАЦКИЙ ЭТНОДИАЛЕКТНЫЙ СЛОВАРЬ*

Ниже вниманию читателя предлагаются аналитические статьи из этнодиалектного словаря, представляющего собой опыт комплексного описания фольклорно-этнографических реалий на небольшой территории юго-востока Рязанской обл.¹ Словарь включает в себя статьи, посвященные разным аспектам духовной культуры²: праздникам и обрядам – как календарным («Вербное воскресенье», «Вознесение», «Духов день», «Красная Горка», «Крещение», «Масленица», «Престольные праздники», «Троица», «Чистый понедельник» и др.), так и семейным («Копытца обмывать», «Новоселье», «Проводы некрутов», «Свадьба» и ее составляющие – «Вечеринка», «Второй день свадьбы», «Запой», «Посад», «Приданку носить», «Сватовство», «Хлеб-соль подымать»). В некоторых статьях даны описания народных обрядов, обычаев и верований, связанных с важнейшими календарными периодами и датами («Авсень кликать», «Венки завивать», «Выгон скота на пастбище», «Гадания», «Жаворонков кликать», «Мосольничать», «Ряжение», «Таракана хоронить», «Христа славить»). Уделено внимание мифологическим персонажам и сценкам ряжения («Барынями ходить», «Денис-старец», «Коляда», «Русалки»), типам поведения в будни и во время праздни-

* Работа выполнена при поддержке Рязанского областного научно-методического центра народного творчества.

ков («Кулачные бои», «Застолье», «Озорство», «Подшучивания и розыгрыши», «Сиделки»), а также лицам или предметам, выполнявшим важные функции в традиционной празднично-обрядовой жизни («Каравай», «Пастух», «Разгонщик», «Яйца в обрядах и играх»). Ряд статей посвящен отдельным жанрам фольклора («Гадания с подблюдными песнями», «Заклички», «Колыбельные песни», «Пестушки», «Прибаутки и сказочки»), в том числе народным развлечениям и играм («Алим», «Арел», «Казанки», «Качели и карусели», «Келья», «Подкучки», «Расшибалки», «Сижу, сижу на камушке», «Шевели» и др.).

Традиция комплексного описания народной культуры в России восходит к диалектологическим словарям конца XIX – начала XX в., в которых особое внимание уделялось не только языку, но и этнографическим особенностям носителей того или иного культурного (или «фольклорного») диалекта. Причем диалект в данном случае понимался не только как «лингвистическая территориальная единица», но и одновременно как этнографическая и культурологическая общность³. В качестве наиболее ярких образцов сошлемся на словари А.О. Подвысоцкого, Г.И. Куликовского и В.Н. Добровольского⁴. Эта традиция не прерывалась и во второй половине нашего века. Укажем хотя бы на «Словарь говоров Подмосковья» А.Ф. Ивановой, включивший в себя богатый этнографический материал (в первую очередь по свадьбе) и коллективные словари псковских, смоленских, брянских говоров, которые хотя и уступают в этом отношении упомянутым изданиям рубежа веков, но все же не пренебрегают описаниями реалий народного быта⁵.

Тот факт, что приоритет в изучении особенностей фольклорных диалектов принадлежит лингвистам-диалектологам, вполне объясним, ведь языковой образ мира неразрывно связан со всеми сторонами народного мировоззрения и быта. При этом, чтобы достичь наибольшей адекватности описания, чисто методологически представляется более корректным представить традиционное народное мировоззрение не только с точки зрения внешнего наблюдателя – исследователя, создателя словаря, но и изнутри, как его понимает и видит сам представитель данного этнокультурного типа (*этнодиалекта*). Словарь, включающий описание региональных или локальных этнокультурных и языковых особенностей и нередко сопровождающийся их картографированием, можно назвать *этнодиалектным*. На русском материале методика этнодиалектного исследования была в свое время продемонстрирована А.Ф. Журавлевым⁶, а несколько лет назад появились образцы словарей такого типа на полесском материале⁷.

Понятно, что при создании подобного рода словарей неизбежно возникает проблема использования при описании не только клишированных народных *языковых* форм (устойчивых словосочетаний и высказываний, обеспечивающих «минимальные контексты» для вычленения описываемого в данной словарной статье значения), но и обширных *речевых* фрагментов, народной речи в самом широком смысле слова. Тем самым этноязыковые явления и этнографические реалии представляются в словаре не в виде застывших «вневременных» фактов, но *в процессе своего употребления и бытования* (если согласиться с мнением, что *процесс проговаривания* является одной из форм существования события и важным фактором его *порождения*). Отражением этого процесса является широко представленная в шацком словаре многовариантность зафиксированных обрядовых и текстовых форм. Синхронный срез традиционной культуры застает ее в процессе непрерывной многополюсной кристаллизации и становления.

Важной особенностью данного словаря является наличие *развернутой интерпретации* рассматриваемых фактов традиционной культуры *самими ее носителями* в виде обширных речевых фрагментов. В одних случаях это более или менее обстоятельный ответ на заданные собирателем вопросы, в других – те или иные типы устных рассказов, выдаваемые исполнителем «по случаю». Конечно, точка зрения носителя культуры не обязательно является более объективной и достоверной, чем

мнение исследователя, описывающего то или иное явление извне. Это тем более очевидно в случае, когда мы имеем дело с меморатами, т. е. «изустными преданиями», воспоминаниями очевидца о том, что он некогда видел или в чем он когда-то участвовал. Такого рода рассказы, подчиняясь общим законам устного рассказа и молвы, используют характерные для них способы построения и включают в себя типичные для сказа фигуры, формулы и общие места. Тем самым любой меморат, особенно если он принадлежит опытному, искусному рассказчику, несколько «приукрашает» действительные факты, стремится свести их к некоему «усредненному целому», ввести в рамки и каноны традиционного устного повествования. Но именно эта «обобщенно-типическая» точка зрения на описываемые события самих носителей традиции и представляет наибольшую ценность для исследователя, так как в полной мере передает своеобразие мышления и мировосприятия изучаемого этнокультурного типа в целом.

Устные рассказы не только отражают некие объективные факты, но и, что особенно важно, представляют их с точки зрения человека, лично их внутренне эмоционально «прожившего» и, следовательно, ощутившего их «иную» реальность и внутреннюю взаимосвязь с внешне, казалось бы, весьма удаленными реалиями и явлениями. Именно эта черта свидетельств непосредственных участников традиционных праздников и обрядов дает возможность выявить многие не очевидные для внешнего наблюдателя мотивировки, без которых зачастую невозможна правильная интерпретация сущности происходящего. Например, при объяснении распространенного в Шацком р-не поверья о том, что первые птицы влияют на плодovitость домашней живности, прежде всего кур, рассказчица отмечает не очевидную на первый взгляд зависимость между множеством летящих птиц и плодovitостью домашней птицы и скота: «Вот ты, например, увидела – журавли летять. Вот ты стаишь: абири эт вот тах-т кругом всё [мусор вокруг ног. – *Авт.*] Вот ты абираишь вот так вот, абираишь – и всё в падол. И тады по гнёздам эту саломку, штоб – *ани ж тучами литяшь! – штоб многа было, штобы вадилось стад(а) вот*»⁸.

В этой связи необходимо подчеркнуть, что хотя формально рассказы носителей традиции в структуре словаря выполняют иллюстративную функцию по отношению к комментирующим текстам автора той или иной статьи, реально оба эти типа текстов функционально равноправны, так как в ряде случаев сами мемораты – это комментарии к предшествующим или следующим за ними авторским текстам и фактически их неотъемлемая часть.

Наличие в словарных статьях нескольких комментариев и иллюстраций к одному и тому же факту объясняется как необходимостью отразить локальные разновидности описываемых явлений, так и стремлением выявить все доступные нюансы и различия в трактовках того или иного явления носителями традиции. Множественность мотиваций и возможность их построения на народно-этимологической основе (например, по-разному объясняется обычай выпекать «лесенки» на Вознесение: с одной стороны, по ним «Христос на неба вздымаецца», с другой – благодаря им Христос «тянить рожь за каласá») дает возможность говорить о многосоставности и разнополюсности народного мировоззрения, одновременном присутствии в нем *на равных правах* разных, порой взаимоисключающих трактовок окружающих реалий и явлений в зависимости от конкретных ситуаций. Эта идея, высказанная и обоснованная в свое время П.Г. Богатыревым⁹, поддерживается в данном словаре многочисленными примерами.

Очерк истории заселения Шацкого р-на. Этническую историю Шацкого р-на можно проследить примерно с I тыс. до н.э., когда лесная и лесостепная полоса Европейской России стали заселяться с востока племенами финноугорской языковой семьи, на основе которых в начале – первой половине I тыс. н.э. сложились древнемордовские и древнемарийские племена. Территория расселения одного из мордовских племен – мокши – охватывала и современный Шацкий р-н, составлявший ее западную окраину. Земли по Цне и ее притокам, безусловно, входили в число

наиболее заселенных, чему способствовали благоприятные природно-климатические условия. Разветвленная речная сеть позволяла вести торговлю с соседями. в том числе и со славянским племенем вятичей, проживавшим к северу от Оки.

Начало проникновения славянских племен в бассейн среднего течения Оки относится к середине I тыс. н. э., особенно оно усилилось в VIII–IX вв. Земли по правому берегу Оки (по мнению А.Л. Монгайта, эрзянские) заселялись вятичами, а по левому (муромские и мещерские) – кривичами. Вятичская и кривичская колонизации носили разный характер. Вятичи принесли культуру, полностью сложившуюся на их коренных землях – Верхней Оке и Верхнем Дону. Местное финно-угорское население было вытеснено и частично ассимилировано вятичами за сравнительно короткий период. Тот же процесс в левобережье, в Мещерской стороне, растянулся на 300 лет. Такая разница объясняется тем, что вятичи проникали в старые земледельческие и густо заселенные районы, где им приходилось с боем добывать себе «место под солнцем». Кривичи шли в глухой промыслово-охотничий район и не составляли конкуренции местному населению. Этот первый этап колонизации относится к концу IX–X в.¹⁰

Второй миграционный поток – из Киевской Руси – направлялся в Рязанскую землю в XI–XII вв. Однако он не был столь массовым и заметным¹¹. Вероятно, с этого же времени мордва попадает в зону влияния славянской государственности. В XII – начале XIII в. мордва называется в числе данников Киевской Руси: «Буртасы, черемиси, веда и морьдва бортьничаху на князя великого Володимера»¹². Бортьничество (сбор меда диких пчел) останется и в последующие века основным видом дани, который выплачивала мордва.

В 30-е годы XIII в. области, заселенные мордвой, в числе прочих подверглись опустошительному нашествию монголо-татар. Хотя цнинские земли оказались в стороне от основных путей прохождения орд Батыея и население их не было истреблено, все же оно частично было уведено в рабство, а частично скрылось в малодоступные лесные районы.

Довольно скоро после завоевания мордовские земли становятся личными феодальными владениями татарских князей. Так, в конце XIII в. князь Бахмет Ширинский захватил земли по Цне и Нижней Мокше, а князь Тагай в 1361 г. – в Наровчате¹³. Этот процесс особенно усилился в последующие два столетия, когда московское правительство активно привлекало татарскую знать для охраны границ, раздавая им за службу земли с мордовским населением.

Объединение русских земель вокруг Москвы и начавшийся распад Золотой Орды привели к усилению русского влияния на мордовские земли. С конца XIV в. цнинская мордва именуется бортьниками рязанских князей, а по договору 1382 г. между московским великим князем Дмитрием Ивановичем (Донским) и рязанским великим князем Олегом Ивановичем земли «по Тцне, от усть Тцны вверх по Тцне, что на московской стороне Тцсны» отошли к Москве, «а что на Рязанской стороне, а то к Рязани»¹⁴. Окончательно «Мордовские места» вошли в пределы Руси и стали частью ее южных «украин» в конце XV в. В первой четверти XVI в. Рязанское княжество лишилось самостоятельности и вошло в состав московских владений, тем самым подчинив Москве и мордовских князей.

Вероятно, с этого времени начинается постепенное проникновение на Цну русского населения, сосредоточенного до тех пор в основном к северу от Оки. Состав русской колонизации был очень сложен. Русские земли, особенно южные и Владимиро-Суздальское княжество, сильно пострадали от монголо-татарского нашествия. Погибла и была угнана в рабство значительная часть населения. Оставшиеся в живых бежали в труднопроходимые болотистые места Заочья. Несколько десятилетий южнорусские степи оставались безлюдными и получили название «Дикого поля». На протяжении XIII–XIV вв. и затем после падения ига во время крымских набегов население из степи неоднократно скрывалось за Окой, так как широкая река и расположенные на ней города являлись надежной защитой. В пределах Волго-

Окского междуречья русские переселенцы с юга, а также отдельные группы из северных районов Владимиро-Суздальского княжества сталкивались с местным русским населением и финно-угорской мещерой, которая быстро славянизировалась. Результатом всех этих перемещений было сложение нового типа населения, которое при «замирении степи» двинулось на юг¹⁵ в надежде найти богатые свободные земли и волю.

Несмотря на распад Золотой Орды и ликвидацию монголо-татарского ига, южные границы государства не стали полностью безопасны: в XVI в. они часто подвергались набегам ногайских и крымских орд. Необходимо было создать новую систему обороны, которая не только предупреждала бы о появлении врага, как это случилось прежде, но и не пропускала бы его. Таким средством защиты стало сооружение так называемых засечных черт, которые представляли собой комплекс естественных препятствий (рек, болот, лесов) и построенных из срубленных деревьев засек, в некоторых местах дополненных рвами и валами с надолбами. На местах пересечения черты с ногайскими и крымскими шляхами ставились небольшие укрепленные городки, в которых находились гарнизоны, обеспечивавшие ее охрану.

Первая оборонительная линия шла по Оке и ее притокам, прикрывая центр государства, вторая – «передовая», или «украинная», тянулась от Скопина через Рязск, Сапожок, берег Оки (к востоку от Рязани), Шацк. По территории района засечная черта проходила от сел Паньково и Пролом, через Шацк на с. Ялтуново, где до сих пор можно увидеть остатки бывших валов. Далее укрепления располагались вверх по р. Выша¹⁶. Их создание относится к середине XVI в., а Шацк впервые упоминается в 1553 г.

Сооружение засечной линии сразу изменило демографическую ситуацию в этих местах. Уже сами строительные работы потребовали привлечения большого числа людей. Их набирали в центральных, плотно заселенных к этому времени уездах, в которых начала ощущаться нехватка земли. Правительство приглашало «всяких вольных людей», обещая им различные льготы. Значительную часть «вольных людей», по всей видимости, составляли «отпущенники», т.е. получившие свободу холопы и дети и родственники тяглых людей, не занесенные еще ни в какие официальные списки. Последнюю группу могли составлять потомки населения, бежавшего из степей и расселившегося к северу от Оки.

Кроме того, возможно присутствие в числе «вольных людей» и выходцев из-за рубежа Польско-Литовского и Немецкого, число которых выросло во второй половине XVII в. после удачных походов русских войск в пределы Польши и Литвы. По своему этническому составу это, вероятно, все те же потомки старого степного населения, бежавшего на запад от монгольского завоевания. Правда, Д.К. Зеленин считал маловероятным участие этой группы населения в колонизации Рязанской и Тамбовской земель¹⁷.

Невозможность содержать работников на «государевом жалованье» привела к тому, что строители и защитники сторожевой линии получали для своего прокорма земельные наделы, которыми они владели, пока несли службу. Наделы могли наследоваться только в том случае, если новый владелец также состоял на «государевой службе». В результате формировался класс мелких землевладельцев – служилых людей «по прибору», в который входили казаки, стрельцы, пушкарки, ямщики и др. (позднее, в XVIII в., они образовали часть сословной группы однодворцев). Владение каждого состояло из одного крестьянского двора с пахотной землей (отсюда их название), сенокосы и прочие угодья находились в совместном пользовании всего селения. Юридически однодворцы могли владеть крепостными крестьянами, но в действительности число таких лиц было незначительно. Как правило, все хозяйство велось силами служилого человека и его семьи. Требования обороны заставляли всех держаться компактно, большими группами, поэтому их селения – многодворны. Прибывших размещали по специальностям; так в Шацке образовались Казачья, Ямская, Стрелецкая слободы.

Такая политика правительства преследовала двоякую цель. Во-первых, государство получало значительное количество людей, способных при необходимости принимать участие в военных действиях. Во-вторых, проводились освоение новых областей и расширение территории государства.

Часть служилых людей – «дети боярские» – происходила от боярских слуг; к XVII в. они составили группу служилых людей «по отечеству». В отличие от приборных служилых людей дети боярские наделялись землей в поместную собственность. Хотя их наделы были больше, чем у первой группы, все же в массе своей они не имели крепостных и обрабатывали землю тоже силами своей семьи. Основная часть детей боярских пополнила класс однодворцев, и лишь некоторые из них смогли стать дворянами.

Отличительной чертой служилого землевладения был его условный характер. Государство могло переселить по своему усмотрению служилого человека туда, где в этом возникала необходимость. Так, всего лишь через 25 лет после постройки Шацка часть местных казаков была переведена для несения сторожевой службы на южной окраине¹⁸. Строительство в 30–50-е годы XVII в. Белгородской оборонительной черты, и в частности городов Тамбов и Козлов, вызвало новый отток служилого населения из Шацкого у.

В XVIII в. однодворцев причислили к государственным крестьянам. В Шацком р-не села государственных крестьян были сосредоточены в двух волостях: Казачинской (расположенной вокруг Шацка) и Вановской (на юге уезда)¹⁹. В некоторых из них государственные крестьяне жили рядом с владельческими.

Вероятно, не во всех этих селах ранее проживали однодворцы, часть их принадлежала к другим ведомствам. Уверенно говорить об однодворческом происхождении можно для с. Дюк (Кошеляевка), где указаны «казаки»²⁰, и для пригородных слобод Шацка. Скорее всего однодворцы проживали также и в селах, расположенных близ города. «В Шатцком мешаном, серпьяном, воротынцом, дворяном и детем боярским, да атаманом и казакам – село Юрино, село Пятаково, село Коверино, село Колтырино»²¹.

Служилое население в основном было русским. Среди представителей других народов упоминаются черкасы и иноземцы. Черкасами называли выходцев с Украины, а иноземцами – выходцев из-за западного рубежа. Первые были поселены деревнями в Загородноценском и Подлесском станах²².

Часть служилого класса составляли татары и мордва. По материалам конца XIX в., подворно-наследственное землевладение известно в селах Никоново и Цыплаково Аладьинской волости, Старое Березово, Тархань, Большой и Малый Студенец Ново-Березовской волости, Ишеева Гора Сотницынской волости, Теньсюпино Ямбирной волости. (Почти все они, за исключением сел Никоново и Цыплаково, находятся на небольшом расстоянии друг от друга.) «В последних двух селениях подворные землевладельцы русские, в других – татары магометанского вероисповедания и только частично русские, но несомненно происшедшие от татар, на что указывают их фамилии»²³. По мнению Н.А. Благовещенского, это потомки служилых людей, поселенных по «рву с надолбы», который некогда шел от Шацка к Тамбову²⁴.

В целом количество однодворцев, вероятно, довольно значительное в первый период, после строительства Тамбовской засечной линии уменьшилось. Согласно переписям населения, их численность колебалась от 2 до 3 тыс. чел. за период с 1767 по 1851 г.²⁵.

Сооружение Белгородской засечной черты увеличило безопасность Шацких земель и послужило импульсом для более активного их заселения. Вольная крестьянская колонизация с самого начала едва ли не опережала правительственную. Массовое передвижение населения на юг из центральных районов в середине XVI в. было вызвано ухудшением условий жизни в связи с усилением эксплуатации и закрепощением. Кроме того, после прекращения внутренних феодальных войн наблюдался

значительный рост численности населения, результатом чего явилось полное освоение пахотных земель в центре государства.

Состав вольной колонизации установить чрезвычайно трудно. Основную массу переселенцев скорее всего составляли «вольные сходцы» из сопредельных уездов, прежде всего из-за Оки и верховьев Дона. Выходцы из дальних земель, вероятно, были малочисленны из-за трудностей переселения со скотом, домашним скарбом и пр. Хотя какие-либо чрезвычайные обстоятельства – неурожай, стихийное бедствие – могли стронуть с места и жителей дальних уездов. Так, в 1561 г. «бысть глад велик в Можайске, да на Волоке, и в иных во многих городех. Много множество разыдесе людей из Можайска и из Волока на Рязань, и в Мещеру, и в понизовые города в Новгород»²⁶.

Страх перед ногайскими набегами заставлял переселенцев оседать на землях недалеко от черты, чтобы в случае нападения успеть за ней укрыться. Это обстоятельство обусловило большую плотность населения в районах, непосредственно примыкавших к черте.

Особенно бурный рост населения наблюдался в XVII в. За 20 лет второй четверти XVII в. тяглое население уезда увеличилось с 3233 до 9325 дворов, т.е. выросло на 188,4%²⁷. Этому способствовала и правительственная политика, направленная на активное освоение новых земель. Хотя в отношении беглых крестьян – вольных сходцев – правительство проводило двойственную политику. С одной стороны, власти были заинтересованы в притоке населения на новые земли и укреплении границы, с другой – не могли допустить, чтобы страдали интересы владельцев, лишившихся из-за побегов рабочих рук. Поэтому на протяжении всего XVII в. правительство издает ряд указов, которые ограничивают сроки возврата бежавших крестьян их владельцам и устанавливают категории крестьян, подлежащих возврату²⁸. Эти указы давали возможность беглым крестьянам изменить свое социальное положение, записавшись на «государеву службу» в качестве казаков, стрельцов, солдат и т.п. Эти же указы имели своим следствием усиление миграции на юг, в новые города.

Изучение состава беглых крестьян показывает, что в основном перемещение населения происходило на небольшие расстояния, часто в пределах одного уезда, и имело характер смены владельца. Обычно бежавшие крестьяне старались устроиться в дворцовых селах и деревнях, записаться в различные категории служилых людей или же осесть за крупным землевладельцем, так как условия проживания в этом случае были несколько лучше.

Судя по материалам сыска Г.С. Исупова в Мещерском крае во второй половине XVII в., побеги происходили преимущественно внутри этого региона, в основном семьями или группами (66,5%). Всего 22,5% бежавших было из Владимирского, Суздальского, Глуховского, Ростовского, Московского, Коломенского и других центральных уездов²⁹. Трудно сказать, какой процент бежавших удавалось находить сыщикам, но соотношение бежавших из дальних и соседних уездов вероятно останется таким же. В основном беглых находили в селах по левому берегу Цны в южной части уезда³⁰.

В результате укрепления безопасности Шацких земель они стали привлекать к себе внимание крупных землевладельцев. До XVII в. вотчинами владели почти исключительно татарские князья и мурзы, пожалованные ими за службу по охране границ. Русское землевладение стало развиваться только в первой половине XVII в. при царе Михаиле Федоровиче, причем в основном этот процесс происходил за счет покупки земель и перевода выслуженных вотчин в разряд родовых. Однако в тот период преобладающим оставалось поместное землевладение при наличии земель приборных людей и поместных казаков³¹.

Наиболее знатной землевладелницей была великая инокиня Марфа Ивановна, мать первого царя из династии Романовых, которой в начале XVII в. принадлежало 10 сел, 8 деревень, 2 погоста, 1 слобода, входившая в присуд с. Конобеево. Из восьми деревень одна была русская (Токарево), из семи мордовских – одна чисто мордовская, остальные – смешанные (Инная Слобода, Янбирна)³².

Большое влияние на рост числа землевладельцев в уезде имели события Смутного времени. В целом в 1606–1618 гг. столичные служилые люди – думные чины, стольники, жильцы, подъячие и пр. – получили в уезде 28 вотчин (1174 двора). Основная часть земель и крестьянских дворов (две трети) находилась в руках крупных вотчинников³³. Среди получивших вотчины в Шацком у. в Подлесском стане представители таких знатных фамилий, как князья Черкасские, Елецкие, Лобановы-Ростовские, Львовы, Стрешневы и др.³⁴.

Массовые раздачи земель начались в конце XVII – начале XVIII в. и в царствование Екатерины II и Павла I. С этого времени Шацкий у. становится преимущественно помещичьим краем. К 1700 г. 89% крестьян принадлежало крупным феодалам³⁵. Это обстоятельство, безусловно, наложило отпечаток на формирование населения. Для обеспечения новых владений рабочей силой помещики часто переводили крестьян из своих старых владений или покупали их «на вывоз». Так, например, было заселено с. Студенец помещицей Голиковой, переселившей сюда крестьян из с. Соломенка Московской губ.³⁶

Сословие помещиков продолжало пополняться также и за счет татарской знати. Как уже говорилось, политические интересы заставляли правительство привлекать на государеву службу – охрану границ – татарскую знать, раздавая ей земли с мордовским населением. За принятие христианства полагались дополнительный надел и жалованье деньгами³⁷.

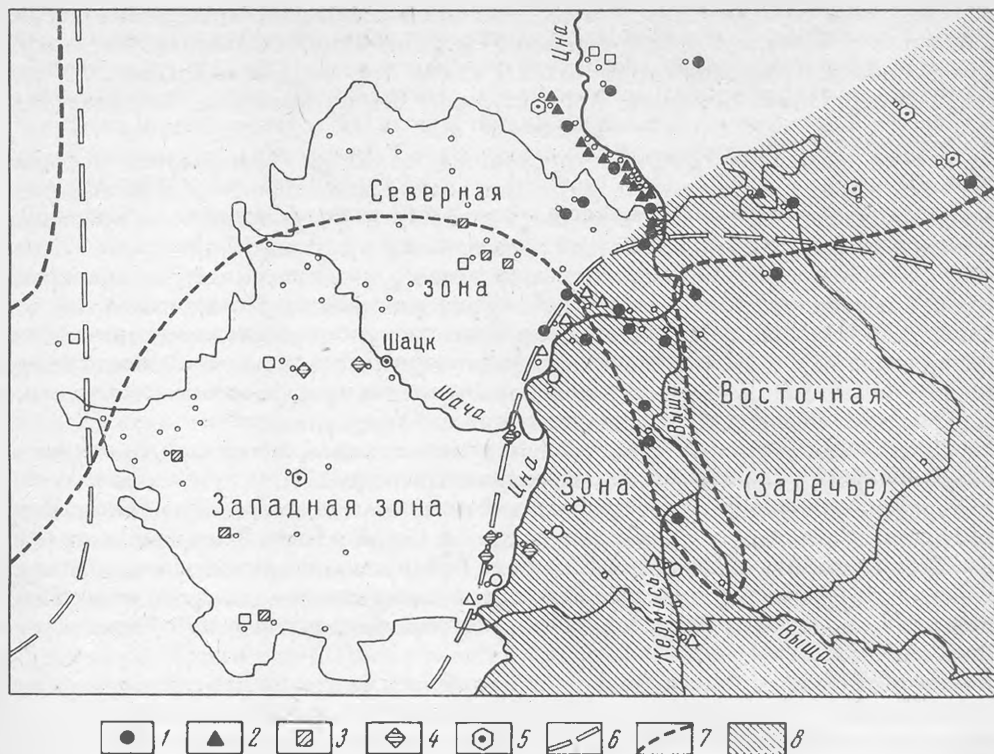
Крупные вотчинники быстро ассимилировались. Этот процесс еще больше активизировался после указа 1713 г., по которому вотчинникам и помещикам, владеющим крестьянами православной веры, предписывалось креститься, в противном случае они лишались христианского народонаселения в своих вотчинах и поместьях³⁸.

Важная роль в колонизации края принадлежала монастырям. Всего лишь через 20 лет после постройки Шацка в 18 км к югу от него на месте старой заброшенной церкви был основан Чернеев Николаевский монастырь (1573 г.). Последнее обстоятельство позволяет предположить существование русских поселений на Цне еще до сооружения засечной линии. Чернеев монастырь был казачьим, его строило все Войско Донское, а администрацией являлся казачий круг. Через 10 лет казаки получили его себе «в вечное прибежище и на строение, а старым и от ран увечным постригаться в том монастыре». «Сюда шла замаливать свои немалые грехи "голутовенная" казацкая вольница». Таким он оставался до 1686 г., когда был приписан к Тамбову и стал епархиальной собственностью³⁹. В возникших около монастыря селах среди прочих поселялись оставившие службу казаки.

По мнению П.Н. Черменского, процесс заселения монастырских земель «одинаков с процессом колонизации владельческих земель, но первый шире по своим результатам. Причина тому та, что монастырь является обыкновенно более крупным и более льготным вотчинником. В силу этого обстоятельства на монастырские земли идет больше приходцев, они идут охотнее, отчего монастырские земли заселяются плотнее и быстрее»⁴⁰. Кроме Чернеева монастыря сравнительно крупная вотчина принадлежала Троице-Сергиевой Лавре (села Большой и Малый Пролом)⁴¹.

Заселение Шацкого у. в основном было закончено во второй половине XVII в. (см. карту № 1). В этот период существуют уже практически все крупные населенные пункты, известные и в последующем⁴². Массовый приток переселенцев извне в пределы уезда прекратился, хотя нельзя исключать возможность небольших «вливания» населения, производимых землевладельцами. На протяжении XVII–XVIII вв. происходит освоение свободных территорий внутри уезда. Последними вводятся в оборот земли восточной части уезда, лежащие по правому берегу Цны, которые до конца XVIII в. почти не были заселены.

Сюда помещикам переводится часть жителей с левого берега Цны. Некоторых выселяли по жребию, других – в наказание за какие-нибудь провинности. К самым ранним поселениям (около 1780 г.) относится с. Кермись. Через 100 лет в этой местности уже существовало 38 населенных пунктов, относящихся к Шаморгской,

Карта 1. Этнический состав населения Шацкого р-на по сведениям источников XVIII–XIX вв.: 1 – мордовские села, 2 – татарские села, 3 – переселенцы из западных губерний («белорусы»), 4 – казачество, 5 – значительное число переселенцев из Московской и Владимирской губерний, 6 – северная граница доминирования «у» фрикативного, 7 – южная граница явления нейтрализации «ч» и «ц», 8 – выделяемая диалектологами зона, где нерусское население среди русских составило в прошлом веке до 50%. Значки без заливки указывают на возможные места проживания в прошлом (по данным топонимии).

Кермисской, Чернопосельской волостям, и ряд селений Ново-Березовской, Ямбирной, Полно-Конобеевской и Носиновской волостей⁴³. С конца XVIII и особенно в XIX в. из Шацкого у. начинается отлив населения на новые, пока еще не освоенные места – в Заволжье, Сибирь.

Русская колонизация Шацких земель носила мирный характер. Во всяком случае в источниках не содержится сведений о серьезных конфликтах с местным населением. Такая ситуация сложилась потому, что в области хозяйственной деятельности русские и мордва дополняли друг друга, а не выступали конкурентами. Потoki переселенцев прежде всего направлялись на открытые, удобные для земледелия места. Поскольку основным занятием мордвы оставались лесные промыслы, это позволяло относительно безболезненно, по крайней мере в начальный период, проникать на мордовскую территорию. Со временем образовывались смешанные русско-мордовские селения.

Длительное культурное влияние русского населения привело к сравнительно быстрой ассимиляции им шацкой мордвы. Так, рязанский епископ Мисаил, который крестил мордву, в 1614 г. доносил царю: «Жены их мордвы и дети русским языком говорить горазды и живут между русскими людьми вместе»⁴⁴. Это обстоятельство способствовало довольно быстрому принятию христианства мордвой, массовое крещение которой было осуществлено в XVII в. Кроме того, в течение всего столетия правительство неоднократно принимало законы, стимулировавшие принятие христианства⁴⁵.

По сведениям середины XIX в., мордва занимала следующие села: Польное и Лесное Конобеево, Ямбурина (или Янберная), Темёшево, Шаморга, Николаевка, Важная, Ваша, Сосновка, Краснохолм, Невеличка, Ржавец, Лесные Цветы, Раковские Усады, Колдамышево, Новое Березово, Арга, Шурмаш, Шарик, Желанка, Завидная, Ждановка⁴⁶.

Переписи населения отмечают постоянное снижение численности мордвы с 10 666 чел. в 1859 г. до 204 чел. в 1897 г. Эта убыль, безусловно, – результат ассимиляционных процессов, так как «людность селений» в целом возрастала⁴⁷. Согласно переписи населения 1926 г., все жители показали себя русскими⁴⁸.

В Шацком у. в середине прошлого века отмечено несколько сел, где проживали татары; в настоящее время все они вне территории района. Появление татарского населения, поселения которого располагались между мордовскими, относится ко времени после XIV в. Немногочисленность этой группы (1%, по сведениям середины прошлого века) и ее замкнутость (в основном мусульмане) привели к тому, что ее культура не наложила заметного отпечатка на местную культуру⁴⁹.

Представители других народностей еще малочисленнее. Выше уже говорилось о поселении черкас в качестве приборных служилых людей.

По сведениям середины прошлого века, в селах Мельница, Толстые Ольхи, Фёдова Поляна, Сновоздорова, Калтырино, Лилец, Старо и Ново Романово жили белорусы. Трудно сказать, действительно ли это белорусы или приходские священники, составлявшие списки населения, причислили к ним русских – выходцев из западных губерний⁵⁰. Во всяком случае присутствие западной группы восточных славян несомненно.

Таким образом, население Шацкого у. сложилось из весьма разнородных элементов. Наряду с различными группами русских в него вошли часть мордвы-мокши, которая полностью ассимилировалась за 300 лет общей истории, еще ранее славянизовавшаяся мещера, а также татары, украинцы, белорусы или западные русские. Все они в той или иной мере участвовали в формировании самобытного облика местной культуры. Но не только сложный этнический состав определяет своеобразие культуры. В XIX в. все большее влияние на быт, нравы, представления крестьян начинают оказывать такие факторы, как отход на заработки и занятие торговлей.

Уже в XVII в. Шацк являлся торговым городом на Ценском водном пути, соединившем Дон и Мещеру. Кроме Шацка торговля производилась в расположенных на Цне селах Шаморга, Чернеево, Конобеево, которые привлекали окрестное население на свои ярмарки. Шацк стоял также и на сухопутных торговых путях – на Идовской дороге, по которой товары (в основном скот) поступали из Саратова в Москву. Таким образом, Шацк оказывался тесно связанным с центральными районами⁵¹.

Весьма рано население уезда втягивается в занятие отхожими промыслами. Этому способствовали возникшее в XIX в. малоземелье, перевод значительной части помещичьих крестьян на оброк и необходимость выплачивать денежные подати государственным крестьянам.

Вероятно, свою роль сыграли и старые торговые связи, которые помогли узнать места отхода. Особенно много крестьян занималось плотничеством, выделкой овчин и портняжным промыслом, которые требовали продолжительных отлучек крестьян из своих деревень.

Наиболее массовым был плотничный промысел. Плотники работали на Дону, по Хопру, в казаках, около Балашева, Камышина, т.е. в Донской области и южных уездах Саратовской, частью в Воронежской и в южной части Тамбовской губернии. Вторым по значимости являлся овчинный промысел. Овчинники работали примерно в тех же местах, что и плотники (в Ставропольской, Саратовской, Астраханской губерниях и на Дону)⁵².

В связи с овчинным в Польно-Конобеевской и соседних волостях возник своеобразный промысел «по вязанию чулок, носков и варежек, которым занимаются женщины и подростки. Вяжут одной иглой и прямые без пятки. Расходятся они отсюда в дальние

места»⁵³. Местное население и в настоящее время продолжает заниматься вязкой носков (теперь вяжут с пяткой на пяти спицах), которые везут на продажу в Москву.

Занятие портняжным промыслом было в основном сконцентрировано в западных и северо-западных волостях. Портные по преимуществу работали сравнительно недалеко от дома (в радиусе 100 верст), только небольшая их часть уходила в дальние места Самарской, Саратовской, Ставропольской, Воронежской, Нижегородской и Рязанской губерний и Донской области⁵⁴.

Языковые и этнографические особенности фольклорного диалекта Шацкого р-на.

Позднее заселение Шацкого р-на и сложный этнический и социальный состав населения создают довольно пеструю и мозаичную картину культурных явлений, несущую на себе следы многочисленных разновременных наслоений. Тем самым создается уникальная возможность проследить характер и направление изменений в неоднородной этноязыковой среде, результатом которых было возникновение своеобразной локальной разновидности традиционной русской культуры. В этом «фольклорном диалекте» южно- и западнорусские черты сочетаются с северными, некоторые типично русские обычаи и обряды имеют следы воздействия со стороны обрядности аборигенного финно-угорского населения и появившихся в этих местах уже в XIII–XIV вв. тюрков; ощутимо культурное влияние казачества и местных монастырей.

Шацкие говоры распространены за пределами зоны устойчивых древнерусских поселений домонгольского времени⁵⁵, а следовательно, являются говорами позднего образования. На диалектологической карте русского языка, составленной в начале века, граница между южными и центрально- или среднерусскими говорами была проведена по территории Шацкого р-на⁵⁶ примерно по линии Инная Слобода – Старороманово – Старопластиково (Чучковского р-на). Однако, по представлениям современных исследователей русских диалектов, граница проходит несколько севернее. Это противоречие объясняется различиями в методике отбора дифференциальных признаков для выделения южного и северного наречий. Установленные в начале века принципы членения территории распространения русского языка на три основных группы говоров (северно-, южно- и средневеликорусские) основывались в сущности на двух основных признаках: «аканье»/«оканье» и произношение звука «г» (смычно-взрывной в северных говорах и фрикативный в южных)⁵⁷. По первому признаку шацкие говоры, несомненно, относятся к южнорусским. Что касается звука «г», то, судя по материалам «Атласа русских народных говоров»⁵⁸, на этой территории представлены оба его рефлекса: смычно-взрывной «г» зафиксирован в Старо-Березове, Михайловском, Шаче; фрикативный «γ» – в Темёшеве, Куле, Польном Ялтунове, Львовке. В остальных пунктах либо преобладает «γ» (Кулики, Старочернеево, Желанное), либо оба звука равноправны (Большое Агишево, Ново-Софьино). Таким образом, по концепции Московской диалектологической комиссии, говоры северной части района относятся к «переходным северновеликорусским» или средневеликорусским, т.е. к таким, в которых произошла полная утрата оканья с заменой его аканьем, но сохранился смычно-взрывной «г». Говоры же южной части района являются в основном южнорусскими.

Современные методики определения диалектных границ основаны не на наличии или отсутствии какого-либо отдельно взятого признака, а на анализе и обобщении всего комплекса фонетических, морфологических, лексических и синтаксических сходств и различий, а также построенных на их основании пучков изоглосс. Такой подход позволяет отнести все шацкие говоры к восточной (рязанской) группе южного наречия⁵⁹. Ее северная граница проходит от территории современного Сасовского р-на, отклоняясь на юг на территории Мордовии примерно по линии Заметчино Пензенской обл. – Балашов Саратовской обл., а на север от устья Мошки примерно по линии Свищево – Каменка Пителинского р-на по направлению к Шостью Касимовского и Ладышкино Шилковского районов.

Конечно, по сравнению со временем сбора данных для «Атласа русских народных говоров» (40–50-е годы нашего столетия), не говоря уже о рубеже XIX–XX вв., когда

собирались материалы для Московской диалектологической комиссии, ситуация существенно изменилась. Речь представителей послевоенных поколений хотя и несет на себе отпечаток диалектности, в основном уже ориентирована на литературные нормы. По нашим наблюдениям, «сильный» фрикативный «*у*» продолжает сохраняться в речи отдельных носителей диалекта в селах, расположенных в Заречье, т.е. на восточном берегу р. Цна и на ее притоках Выше и Кермиси (Старочренево, Парсаты, Желанное, Шарик, Кермись, Темёшево, Аксельмеево, Шаморга, Купля), а также в некоторых селах центральной части района (Кулики, Тарадеи, Казачья Слобода). Если взглянуть на составленную нами картосхему, то нетрудно заметить, что зона с доминирующим «*у*» в основном совпадает с Заречьем – частью района, где дольше всего сохранялись мордовские поселения. Поэтому можно предположить, что «сильный» фрикативный «*у*» – следствие позднего языкового влияния (его активными агентами могли выступать, например, участники отхожих промыслов) или заселения из южных и западных губерний. Показательно, что в западной части района (за исключением сел Кулики и Тарадеи) «*у*» не является доминирующим, употребляясь наряду с «*г*», а севернее Шацкого р-на «*у*» встречается лишь спорадически. При этом зона равноправных «*у*» и «*г*» образует своеобразный язык, вклинивающийся из Сасовского р-на на территорию соседних с Шацким Сараевского р-на Рязанской обл. и отчасти Моршанского р-на Тамбовской.

Более старыми, соотносящимися с ранними потоками колонизации можно, видимо, считать признаки, роднящие шацкие говоры с московскими, владимирскими и нижегородскими: например, употребление формы «д*и*вирь»⁶⁰ и совпадение аффрикат «*ч*» и «*ц*» в «*ц*»⁶¹, что фиксировалось еще совсем недавно в северной и восточной частях района⁶². Общий абрис территории распространения явления нейтрализации «*ч*» и «*ц*», по далеко неполным данным «Атласа русских народных говоров...» и материалам Н.Н. Дурново (отдельные случаи цокания отмечались нами и в пригородных слободах Шацка), близок к зоне равноправного употребления «*у*» и «*г*», за одним исключением: нейтрализация «*ч*» и «*ц*» характерна и для бывших мордовских сел, расположенных на Цне, Выше и Кермиси. Это наводит на мысль о том, что либо это явление лучше сохранилось в иноязычной среде, зафиксировав факт более раннего русского заселения из северо-западных регионов, либо оно было изначально присуще финно-угорским языкам и отражает интенсивные этнические контакты не только в шацком Заречье, но и на всей обширной территории Центральной и Северной России, включающей бывшие Московскую, Владимирскую, Нижегородскую, Костромскую, Пензенскую и отчасти Вологодскую и Тамбовскую губернии.

Таким образом, анализ «основных» языковых отличительных признаков и данных заселения дает возможность выделить в границах нынешнего Шацкого р-на три локальных зоны (см. карту № 1): *восточную* (Заречье) с доминировавшим еще в недавнем прошлом мордовским и отчасти татарским компонентом (ее важный отличительный признак – преобладание «*у*»); *западную* со значительным удельным весом западного, «белорусского» населения (ее условной границей можно считать р. Шача) и *северную* (северо-восточнее Шачи вплоть до Цны), которая имеет ряд общих признаков с двумя первыми (ее отличительным признаком является нейтрализация «*ч*» и «*ц*») и, по-видимому, характеризуется преобладанием рязанских, московских, владимирских, нижегородских переселенцев «из-за Оки». Понятно, что это выделение достаточно условно в силу мозаичности заселения, но позволяет при рассмотрении доминирующих этнографических черт соотносить их как с историей заселения, так и с языковыми особенностями шацких говоров.

Рассмотрим теперь, как соотносятся особенности шацких говоров с картиной распространения этнографических и фольклорных отличительных признаков. Необходимо подчеркнуть, что именно отдельные значимые детали (названия, атрибуты, действия), а не сложные культурные явления (например, свадебный или родинный обряд в целом) чаще всего дают наиболее достоверную картину культурных различий. Скажем, хотя в целом шацкая свадьба относится к центрально- или южно-

русской (назовем хотя бы такие черты, как обычай устраивать «запой», носить курицу-«приданку», название «сыр-каравай» для обряда одаривания родни жениха, поиски «ярки» на второй день свадьбы), в ней есть и севернорусские особенности: например, устройство бани невесты, некоторые типы «разгонщика» и т.п.

Анализ наиболее ярких черт традиционной культуры позволяет выделить на обследованной местности несколько локальных этнографических зон, соотносящихся с уже выделенными нами по другим признакам. Наиболее крупную и целостную группу составляют поселения, расположенные вдоль восточного (правого) берега Цны (села Лесное Конобеево, Лесное Ялтуново, Желанное, Шарик, Кермись), включая и ряд правобережных сел (Борки, Польное Ялтуново, Польное Конобеево, Темёшево, Аксельмеево, Шаморга, Купля), где отсутствует наиболее примечательный персонаж местного ряжения – «Коляда». Хотя в некоторых селах Заречья (Темёшево, Аленево, Завидное, Кермись, Парсаты, Сявель, Старочернеево) и известен термин «коляда», он употреблялся лишь применительно к обходу группы ряженных с выпрашиванием подаяния, а иногда и с «кликанием авсеня». «Коляда» как персонаж рождественского ряжения, связанный с прядением и плетением лаптей, был известен только в трех селах Заречья: Боголюбовка, Завидное и Львовка. Нетрудно заметить, что именно в населенных пунктах с отсутствием «Коляды» еще в прошлом веке отмечался значительный процент мордвы, а диалектологический атлас зафиксировал в них остаточные рефлексы цокания, что свидетельствует о заокском происхождении их русских поселенцев. «Коляда» не зафиксирована и в селениях к северу и северо-востоку от Шацка (в «северной» зоне), где диалектологами также отмечалось совпадение «ч» и «ц» в «ц».

Наиболее яркие формы ряжения «Колядой» характерны для «западной» зоны, где несомненно западнорусское культурное и языковое воздействие. Действительно, обход «Коляды», равно как и употребление термина «король» в игре «царев сын» (Малопроломский приход), можно считать знаком западных влияний. Этот персонаж святочного ряжения и «колядных» песен («Как пошла коляда по улице гулять») хорошо известен в нынешних Брянской, Смоленской, Калужской и Псковской областях⁶³, а название «коляда» для кануна Рождества, первого рождественского дня или всего периода святок широко распространено в Полесье⁶⁴ и в прилегающих к нему областях Украины, Белоруссии, Польши, Словакии. В Шацком р-не так мог называться канун Рождества (села Старочернеево, Парсаты, Сявель) наряду с названием «кутья» (Ялтуново, Боголюбовка)⁶⁵. Западным по происхождению может считаться, по-видимому, также крещенский и пасхальный обычай вешать в переднем углу украшения из соломинок – «паука» (села Шевырляй, Новочернеево, Усненовка, Новая) или «люстру» (Агишево, Старочернеево).

Характерна география распространения игровых имитаций похорон. Специфические местные формы осеннего ряжения «покойником», известные под названием «похороны таракана», бытовали в основном в «западной» зоне. В качестве исключения можно указать русскую д. Токарево и близлежащие села Лесное Ялтуново, Польное и Лесное Конобеево, а также с. Темёшево, отличавшееся смешанным составом населения, что отражается в зафиксированных в этом селе «Атласом русских народных говоров...» существенных отклонениях в фонетике, морфологии и лексике. Причем наиболее архаические формы «похорон», во время которых чучело изготавливалось из «донья» прялки и называлось «дедушкой» или «бабушкой», известны лишь в трех населенных пунктах «западной» зоны: Кулики, Тарадеи и Троицкое. В соседних Федосовском и Райпольском сельсоветах так обращались к «таракану» при его оплакивании. Ряжение «тараканом» одного из участников посиделок можно, видимо, считать воздействием святочной (общерусской) или масленичной (например, у белорусов в Поднепровье и Подвинье)⁶⁶ обрядности. Именно такие общерусские формы доминируют в «северной» зоне, где наряду с ними отмечается имитация похорон на свадьбе (на второй день, реже – при выкупе приданого). Подобные трагедийные формы («покойник» на свадьбе или похороны как свадьба)

известны и финно-угорским народам Поволжья (марийцы, удмурты), поэтому их наличие в селах Шацкого и соседних районов Рязанской обл.⁶⁷ является, возможно, следом финно-угорского субстрата. Впрочем, некоторые из этих форм (например, похороны девушки-невесты как свадьба) хорошо известны и славянам⁶⁸.

Села «западной зоны» – Райполье (с прилегающими деревнями Богослов, Александровская и Троицкое), Кулики и Тарадеи, а также д. Малый Пролом – выделяются на общем фоне еще и наличием гаданий с подблюдными песнями. Можно предположить, что подблюдные песни в Шацком р-не ранее были известны более широко. Косвенное свидетельство этого – ареал распространения угроз «архаического» типа по отношению к хозяевам, отказавшим «кликальщикам авсеня» в подаении (типа: «На Новый год сосновый гроб!» или «На Новый год галбешку в рот» – села Тарадеи, Фёдорово, Казачья и Черная Слобода, Федяево, Высокое, д. Цветки), которые совпадают с текстами подблюдных песен. Гадания с подблюдными песнями вообще не характерны для Рязанщины. В Шацкий р-н они, по-видимому, были занесены переселенцами из более северных губерний, которые, судя по источникам, появились в с. Кулики еще в XVII в.

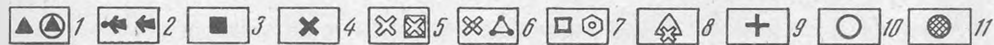
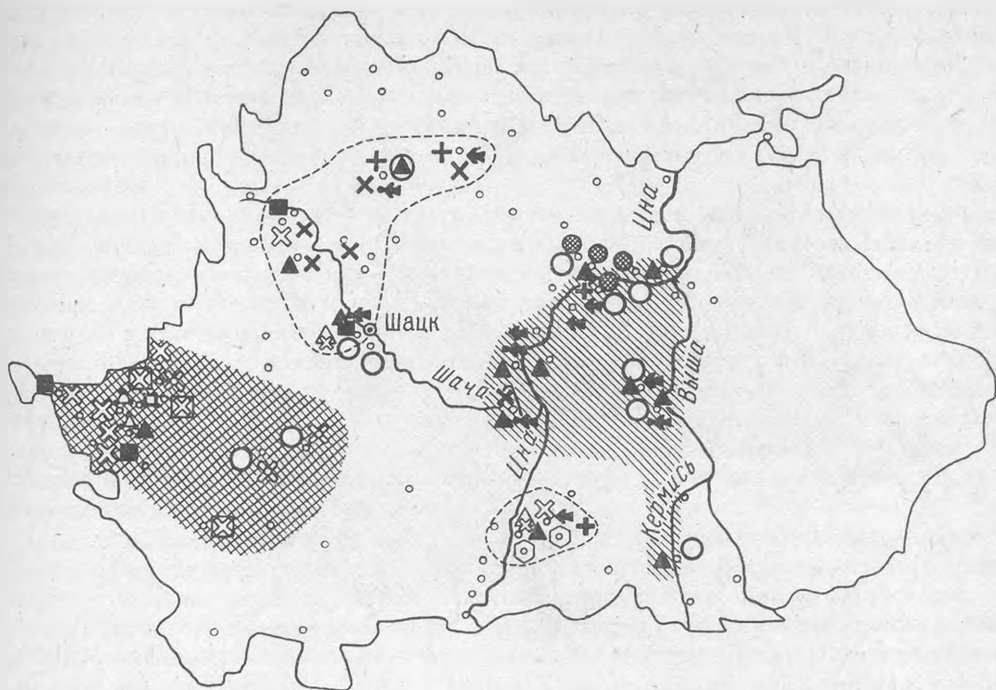
В селах Кулики и Тарадеи зафиксирован и особый свадебный «разгонщик» – в виде цельной курицы, часто встречающийся также в Поволжье (Ярославская, Владимирская, Костромская, Нижегородская области). Рефлексы «разгонщика» этого типа – «цельная» курица или пирог-«курник» в качестве угощения за свадебным столом, на девешнике, на «сыр-каравае», сразу после приезда молодых от венца – распространены как в «северной», так и в «западной» зонах и практически не известны в Заречье (исключение – упоминание о жареном петухе-«разгонщике» в с. Аленево).

Что касается восточной зоны, то здесь было известно два типа «разгонщика»: цельный жареный поросенок или гусь в ее северной части⁶⁹, а также в расположенном южнее с. Кермись (по рассказам местных жителей, в этом селе преобладали переселенцы из сел Борки и Польное Ялтуново). Жареный гусь в этой функции употреблялся и в с. Тарадеи. В большинстве сел южной части «восточной» зоны (Высокое, Старочернеево, Парсаты, Сявель, Кермись) разгонщиком служила песня «Не пора ли нам, ребята...» Наряду с другими типами «разгонщиков» эта песня употреблялась в селах Желанное, Завидное, Лесное и Польное Конобеево, Польное Ялтуново.

Как и в случае с фрикативным «у», можно предположить особую роль в возникновении этого обычая участников отхожих промыслов. Интересно, что во многих шацких селах, особенно «западной» и «северной» зон, «разгонщик» не был известен вообще, хотя близкие к нему по форме угощения и могли присутствовать на свадебном столе. Можно предположить, что некогда основной формой «разгонщика» в этих зонах была курица. Редкой (села Богослов и Куля), но достаточно архаичной представляется «разгонная» каша, которая в Шацком р-не чаще упоминается в связи с поминальным обедом. Обрядовый хлеб «сыр-каравай» в качестве «разгонщика», как и в случае с «похоронами таракана», объединяет расположенные в противоположных концах района села Темёшево и Фёдорово.

Находящееся в крайней точке «западной зоны» с. Фёдорово вообще часто дает варианты обрядовых форм, более характерные для центральной части района (пригородные слободы Шацка, села Борки, Ялтуново, Конобеево), а не для «западной» зоны. Так обстоит, например, дело с «разгонными» куколками или с крещенским фигурным печеньем в виде животных и птиц. В последнем случае с. Фёдорово (наряду с Казачьей Слободой и Борками) полностью выпадает из достаточно однородной картины, характерной для «западной» зоны, где это печенье не было известно, зато выпекались кресты на Средокрестье (см. карту № 2). Лишь в крайних точках этой зоны (села Шевырляй, Успеновка, Борки) выпекание крестов могло приурочиваться к Крещению, и это обыкновение сохраняется в селах северной части района (Агишево, Старороманово).

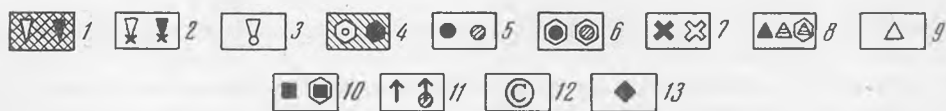
Вообще обычай выпекать разнообразные типы фигурного печенья на Крещение

Карта 2. Крещенская и средокрестная обрядность и обрядовое печенье: 1 – закармливание на Крещение скота печеньем в виде фигурок животных (в том числе расположенных на круглом корже), 2 – выпекание на Крещение «курушек» с цыплятами или «птичушек», 3 – закармливание на Крещение скота смесью зерна и размоченного в святой воде хлеба, 4 – использование для закармливания на Крещение скота печенья в виде креста, 5 – выпекание «крестов» на Средокрестье (в том числе с запеченными в них зернами) и закармливание ими скота, 6 – использование средокрестных крестов при начале сева или гадание по ним, кто будет первым сеять, 7 – использование при начале сева благовещенской просфоры или испеченных на Введение блинов, 8 – выпекание на Средокрестье «хрестцов» в виде кладки снопа, 9 – изготовление на Крещение деревянных крестиков, 10 – изображение на Крещение «неба» и «звезд» на балке или потолке, 11 – «посевание» зерном на дороге у дома на Крещение и другие годовые праздники. Одинарной штриховкой обозначены области предпочтения крещенской обрядности, перекрестной штриховкой – области предпочтения средокрестной обрядности, пунктирной линией – области активного взаимодействия крещенской и средокрестной обрядности.

более характерен для ареала с рефлексамии нейтрализации «ч» и «ц» и прилегающих к нему сел, что позволяет предположить их «заокское» происхождение. В «северной» зоне встречаются и более очевидные севернорусские крещенские обычаи: например, изготовление крестиков из лучинок (села Агишево, Старороманово, Алеменево). Впрочем, учитывая «белорусский» компонент находящегося в центре «северной зоны» с. Старороманово, можно добавить, что обычай ставить на Крещение в углы дома или на колодцы деревянные крестики был известен и на северо-западе (Псковская обл.), и на западе России (Смоленская обл.)⁷⁰.

Особняком стоят крещенские обычаи чертить на потолке или на матице круг, изображающий «небо, звезды и месяц», и посыпать дорогу возле дома зерном. Первый из них известен во многих селах по рекам Кермись, Выша и прилегающих к устью Выши селам по р. Цна. Встречается он и в наиболее старых селах «западной» зоны (Кулики, Казачья и Черная Слобода). Второй обычай, связанный с символикой «выпрощивания душек», зафиксирован лишь на небольшой территории «северной»

Карта 3. Распространение текстов, исполнявшихся при святочных поздравительных обходах: 1 – «Авсень-Дуда» (в том числе с упоминанием Хопра), 2 – «Сорока-Дуда» (в том числе с упоминанием Хопра), 3 – «Куропатушка», 4 – «Кишки да жалудки в печи сидять» (в том числе «Кишки, ножки бягуть по дарожки»), 5 – «Мы ходили, мы искали» (в том числе в контаминации с другими текстами), 6 – в контаминации с текстом «Кишки да жалудки» (и его вариантами), 7 – «Авсень, авсень, я титерюшку ганю» (в том числе в контаминации с «Мы ходили, мы искали»), 8 – «Костер» (в том числе в контаминации с другими текстами), 9 – близкие по структуре тексты с мотивами варения пива и женитьбы, 10 – «Сосенка» (в том числе в контаминации с «Кишки да жалудки»), 11 – «Варабей лятить» (в том числе в контаминации с «Мы ходили, мы искали»), 12 – «Сею-вею, посеваю», 13 – «Мать Мария».

зоны (села Темёшево, Аксельмеево, Алеменево, Шаморга, Купля) и обусловлен, вероятно, присутствием в этой местности старообрядцев. В пользу этого свидетельствует и ареал распространения текста «Сею-вею, посеваю...» (см. карту № 3): это с. Шаморга, где до сих пор сохраняется значительная группа старообрядческого населения, а также села Купля и Агишево. Только в селах Шаморга, Купля и Ямбирно отмечено и бытование в качестве «авсеники» текста «Мать Мария». Хотя в Агишево ни посыпание дороги зерном, ни круг на потолке зафиксировать не удалось, местной переработкой обычая чертить на потолке «небо со звездами» можно, по-видимому, считать выпекание фигурок животных на большом круглом корже или блине, иногда вместе с фигуркой всадника, что соответствует обычной символике народных загадок: небо со звездами и месяцем изображаются как пастух со стадом.

Распространение поздравительных текстов в целом свидетельствует в пользу предположения об устойчивом южнорусском воздействии на традиционную культуру шацкого Заречья. Именно на той территории, где активно бытуют фриктивный «у» и «разгонная» песня «Не пора ли нам, ребята», доминирующими текстами являются «Авсень-Дуда» и родственный ему «Сорока-Дуда» (в том числе с упоминанием

Хопра). Вместе с тем «западная» зона характеризуется преобладанием текста «Кишки да жалудки» как в самостоятельном исполнении (села Казачья и Черная Слобода, Казачий Дюк, Успеновка, Марьино, Шача), так и в контаминации с другими текстами, прежде всего с классической центрально- и севернорусской колядкой «Мы ходили, мы искали». Последний текст распространен в районе практически повсеместно; это наводит на мысль, что он наряду с «цоканьем» принесен сюда одной из первых волн переселенцев.

Не совсем ясно происхождение других текстов «авсенек». Например, «костер» в его «классическом» варианте известен только в «западной» зоне. Но тексты такого типа обычно исполнялись для неженатого парня и могли следовать за авсенями другого типа (скажем, после «Мы ходили, мы искали»). Этим объясняется преобладание их вариантов в контаминации с другими текстами. К сожалению, все сказанное не дает возможности судить о «западном» происхождении «костра», поскольку в других местах он мог быть просто утрачен в связи с общей редукцией поздравительного ритуала. То же можно, видимо, сказать и о «Сосенке» («Как у боре, боре сосенка стояла»), которая отмечена нами лишь в четырех пунктах (села Агишево, Борки, Губколь и Успеновка), но хорошо известна и в других районах Рязанской обл., расположенных как западнее, так и севернее Шацка⁷¹.

В селах на крайнем юге района (Высокое, Губколь, Тархань, Старочернеево, Парсаты) в качестве детской «авсенки» употреблялся текст «Воробей лягить, хвостом вяржить». В таком качестве этот текст функционировал еще только в д. Троицкое. В этих же селах бытовали неизвестные в других местах обычаи ношения по деревне ряжеными тканого из конопляной «верчи» одеяла невесты (*ватолы*) и украшенного лентами венка. Здесь же еще в 1920-е годы бытовали масленичные обычаи вождения по селу «лошади» и «купание» в снегу молодоженов перед кулачками, взаимное измывание парней и девушек тестом на Прощеное воскресенье или на Чистый понедельник. Эти и другие обычаи (например, отсутствие в этих селах других типов «разгонщика», кроме песни «Не пора ли нам, ребята...» или гадание о том, кто будет засеивать, по блинам с монетой на Введение) позволяют выделить южные села Шацкого р-на в особую группу, которая, имея ряд важных сходств с более северными селами по Цне и в Заречье, все же сохраняет свою культурную специфику. Думается, что многие из перечисленных черт вполне могут представлять из себя более старые, развернутые варианты обрядовых форм, распространенных ранее шире. Например, хотя в других местах украшенная ленточками *метла* (в данном случае так назывался обычный банный веник) на второй день свадьбы и не известна, зато распространен обычай бросать платок на веник, которым невеста выметает черепки от разбитых горшков, а иногда даже повязывать веник этим платком. Сваха или золовка, получив в подарок платок, плясала, размахивая веником, так же как это практиковалось и в более старой версии обряда, в которой, кстати, одаривание платком тоже сохраняется.

Противопоставление северных сел по Цне и Выше южным, где мордовское население доминировало только до XVIII в., а в дальнейшем преобладало «казачество», проявляется и в мотивировке запрета купаться после Ильина дня. Если в северных (Польное и Лесное Ялтуново, Польное и Лесное Конобеево, Аксельмеево, Желанное, д. Токарёво) в мотивировке присутствует Алёна (Алёнка, Алёнушка): «Алёна в воду нас...ла!», то в южных эта мотивировка отсутствует вообще. В «западной» зоне на месте Алёны фигурирует олень (села Демидово, Шевырляй, Успеновка, Казачья Слобода, Фёдорово, д. Цветки), а в «северной» – Илья (села Агишево, Шевырляй, Темёшево).

Таким образом, комплексный анализ языковых и этнографических данных и сравнение их с материалами по истории заселения позволяют во многом дополнить и уточнить имеющиеся сведения по этническому составу населения Шацкого р-на, выявить основные доминанты развития традиционной культуры, проявившиеся за последнее столетие.

О музыкально-стилевом языке шацких песен. Материалы экспедиции 1979 г. показали, что музыкальный фольклор сел Шацкого р-на Рязанской обл. представляет собой сложную и противоречивую картину. Песни, особенно связанные с различного рода обрядами, здесь сохранились довольно плохо. Хорошая сохранность многих деталей свадебного обряда, например, не была связана с особым песенным репертуаром. Однако в пассивной памяти исполнительниц продолжали жить уникальные образцы плачей. Почти полностью исчезли воспоминания о хороводах, но о посиделках и связанных с ними песенках информаторы рассказывали с удовольствием. Уже 20 лет назад с трудом можно было собрать даже небольшие бытовые ансамбли для записи лирических песен. Для Рязанской обл., отличающейся хорошей сохранностью музыкального фольклора, ситуация была нетипичной. Повторные поездки, предпринятые в 1990-х годах, по музыкальному материалу оказались еще беднее.

Причины такого явления, по-видимому, следует искать в истории края⁷², связанной со сложными миграционными процессами, так как стилистика музыкального фольклора, равно как и песенный репертуар, манера исполнения произведений разных жанров и, конечно, общая сохранность традиции, находятся в прямой зависимости от исторических и социальных факторов.

Первое, что обращает на себя внимание при взгляде на музыкальный фольклор Шацких земель, – это преобладание лирических песен позднего происхождения. Отдельные записи календарных (авсени, «жавороночки», гадания), а также скорее воспоминания, чем исполнение, немногих хороводных песен весеннего цикла никак не могли уравновесить полноценные ансамблевые варианты «Канареек», «Колечек», «Погодушек».

Сопоставляя шацкий репертуар протяжных лирических песен с общерязанским, мы находим немногие параллели. Прежде всего песню «Голубь сизенькай», образец песенной лирики, характерный для центральных и южных районов области⁷³. Мелодическая версия этой песни в Шацком р-не сходна с другими вариантами⁷⁴. Местной можно признать и песню «Разнещасный был карешочек». В области она была записана только у «казаков» с. Шевали-Майданы соседнего Сасовского р-на. Все другие песни мы с полным правом можем отнести к общерусским, характерным для городского и сельского быта конца XIX – начала XX в. Их тексты сложены силлаботоническим стихом, делящимся на стопы, что предполагает некое авторство, чаще всего анонимное⁷⁵. Стопность ощущается и в мелодическом ритме. В хоровом разделе песенной строфы хорейская музыкальная стопа часто чередуется с восходящим иоником. Здесь мелодическое начало преобладает над стиховым, что проявляется в более широких распевах каждого слога. В запевных частях строф ритмика чаще всего следует силлабическому принципу.

Преимущественно к XIX в. относятся и примеры с силлабическими структурами 6 + 5 слогов и 7 + 6 слогов. Их тексты скорее всего профессионального происхождения.

Почти все песни этого пласта в начальных построениях соединяют в единое музыкальное целое стиховые полустишия, исходя именно из речевого произнесения текста. Это приводит к контрасту запевной и хоровой частей музыкально-поэтической строфы как с точки зрения пульсации длительностей, так и собственно ритмической. Правда, эти наблюдения над стиховой и мелодической структурами могут быть отнесены к песням аналогичного исторического периода из других регионов России.

Более показательным оказывается ладовое строение. Все примеры имеют широкий диапазон. Характерной особенностью является секундовая переменность устоев как I–II, так и I–VII ступеней. Секундовая переменность может возникнуть даже в рамках гармонических функций T S D. Широкий диапазон песен часто предполагает выход в систему обходного звукоряда-лада. К ней мы можем отнести лады многих лирических песен⁷⁶.

Одной из наиболее популярных в Шацком р-не оказалась песня «Черёмушка», в местных вариантах имеющая зачины «За гаём», «Помер, помер наш хозяин», «Подуй,

подуй, погодушка», «Садил чирънец». Совпадение слогового ритма дает исполнителям возможность соединять сюжеты этих песен, причем их мелодические версии оказываются очень далекими как от традиционной «Черёмушки», так и от украинской «За гаём».

На территории Шацкого р-на возможно и локальное бытование отдельных сюжетов. Мелодически сходные версии песен «Золото моё колечко» и «Канарейка» взаимоисключают друг друга. «Золото моё колечко» – песня локальная, встречается в селах, стоящих по трассе Шацк – Сасово⁷⁷.

Шацкая лирическая песня генетически связана с донской казачьей. Об этом прежде всего свидетельствует репертуар (почти все сюжеты публикуемых нами песен присутствуют в собрании А. Листопадава)⁷⁸. Близки к казачьей песенной традиции манера исполнения и характер многоголосия песенной лирики Шацкого р-на. Для полноценного звучания в ансамбле должны петь не менее трех человек. При дуэтом исполнения одного голоса певец часто движется параллельными квартами, тем самым подчеркивая «нехватку» третьего голоса. Если же поет полноценный ансамбль, то песню начинает нижний или средний голос, другой подхватывает, а затем вступает высокий «подголосник». Исполнители считают его функцию наиболее важной. В шацких селах подголосник, поющий в октаву с басом, на последнем вытянутом звуке очень часто быстро спадает вниз на терцию или кварту с последующим возвращением к основному тону. Такой прием у рязанских песельниц из других районов встречается редко⁷⁹.

Музыка свадебного обряда в Шацком р-не уже в 1979 г. не могла претендовать на ведущее положение. Между тем именно свадебный обряд является эталоном, по которому мы судим о сохранности и богатстве песенной традиции того или иного региона. По свадебным песням, находя параллели в других традициях, можно судить и об их происхождении. Отдельные образцы свадебных обрядовых песен в 1979 г. «игрались» ансамблями либо в один голос, унисонно, либо по принципу терцовой дублировки основного напева. Лучше в памяти информаторов из сел Ялтуново, Токарёво, Темёшево сохранились обрядовые песни на запое, записанные нами в одноголосных версиях. Записи 1990-х годов были еще более скупы. Например, в качестве первой свадебной песни, певшейся молодым после венца, предлагалась «Вдоль да по речке, вдоль да по Казанке». Застольная «Туман, туман при далини» отсылает нас к записям, сделанным экспедициями Московской консерватории в Волгоградской обл., где та же песня фигурировала как масленичная скоморошная⁸⁰.

Сопоставляя весь небогатый песенный материал шацкой свадьбы с другими локальными традициями Рязанской обл., мы выявили как общерязанские, так и специфически шацкие песни. К общерязанским сюжетам можно отнести «Нам сказали Иван-то грозен» (села Демидово, Ялтуново), «Затрубили в трубицу» (с. Каверино). «При вечере, вечере» (с. Федяево), «Мы пойдём-ка во беседушку» (с. Завидное), «И разлилася, разлилеилась» (с. Черная Слобода). Гораздо реже встречается сюжет «Собрала я всех подружек» (села Ялтуново, Токарёво, Темёшево). Специфической шацкой песней-припевкой была «Подари, хорошенька», которая органично соединялась с разными песнями на запое, предназначаясь как невесте, так и любому сидящему за столом гостю⁸¹.

Особый интерес в связи со свадебными песнями вызывает используемая носителями традиции терминология. Например, раньше по отношению ко всем лирическим, плясовым, свадебным песням употреблялось выражение «играть песни», встречавшееся преимущественно в южнорусских областях. Ныне оно постепенно начало уступать место общераспространённому литературному «петь песни». Иногда так стали говорить даже по отношению к плачам, которые в Рязанской обл. обычно «кричат» или «вопят».

В сходных ситуациях свадебного обряда употреблялись термины «корить», «обгрыпать», «люлюкать». Если первые два характерны для многих сел Рязанской обл.⁸², то «люлюкать» встречается только в одном кусте шацких сел (Лесное и Польное Ялтуново, Токарёво, Лесное Конобеево). Скорее всего этот термин воспринимается

певицами как синоним слова «петь». В некоторых случаях он употреблялся ими даже по отношению к плачам: «Ани разводять жаласна, ни кричали, а прям идём, как паём, люлюкаим...»

Плачи сохранились в памяти информаторов очень хорошо. Их роль в свадебном обряде чрезвычайно велика, так как практически все действие развивается в их сопровождении. Запой и вечеринка, утро в день венчания, бужение подруг, сбор на посад, обряд расчесывания косы, благословение – эти важнейшие эпизоды шацкого свадебного обряда невозможны без плачей как самой невесты, так и ее родственниц и подруг. Обращает на себя внимание свидетельство из с. Кермись о специально приглашаемой женщине, которая должна довести невесту до слез. Причитания подруг (с. Токарёво) или соседок (с. Казачья Слобода) получили свое местное название – «акричиванис», которое не встречается ни в одном из рязанских локусов. Однако музыкальный язык этих плачей ничем не отличается от причитаний невесты.

Среди записанных плачей можно выделить две основные разновидности.

1. «Лирический» тип плача, в котором каждый слог текста широко распевается. Ритмика стиха в этом случае идет крупными длительностями. Таковы плачи при расчесывании косы (д. Малый Пролом и с. Тарадеи) и бужении подруг (с. Высокое). Этот тип плачей встречается в селах, расположенных как на севере, так и в центральной части района.

2. Речитативный тип плача, теснейшим образом связанный с речевой интонацией. Он более популярен и встречается практически по всей территории, характерен не только для свадебных, но и для похоронных причитаний и может существовать в репертуаре одной певицы параллельно с «лирическим».

Музыкальная ткань «лирических» плачей обычно строится как цепь попевок, представляющих собой некую волнообразную линию, каждый «всплеск» которой оканчивается на разных уровнях, находящихся по отношению друг к другу в секундовом соотношении. Заключительный оборот-попевка подчеркивает устойчивость положения основного тона – нижнего звука амбитуса. Плачи речитативного склада обычно строятся, следуя текстовой структуре, имеют непостоянное счетное время, приходящееся на стиховую строку. Они также волнообразны и в сжатом виде представляют у одной исполнительницы ту же мелодико-ладовую структуру, что и «лирический» вариант.

Ладовое строение свадебных плачей аналогично ладам колыбельных, игровых, некоторых новогодних поздравительных песен и веселых закличек. Часто в основе лада лежат ангеимтонные попевки: трихорд в кварте (д. Малый Пролом, с. Карнаухово), тетрахорд в квинте (села Тюрино, Высокое).

Другой тип лада имеет в основе терцию: в селах Агишево, Ольхи и Купля – малую, в селах Завидное, Тарадеи, Шарик, Тюрино – большую. Терцовая основа напева обычно расширяется за счет субкварты снизу.

Удельный вес плачей в шацкой свадьбе так велик, что хорошие информаторы могли представить даже циклы свадебных причитаний. Несомненной удачей следует признать знакомство с такими знатоками плачевой культуры, как П.Д. Мешкова из деревни Малый Пролом и А.И. Каняева из с. Тарадеи. Их исполнение было артистично, проникновенно и по степени эмоционального выражения приблизило нас к подлинной обрядовой ситуации.

Особый интерес в музыке шацкого свадебного обряда вызывают плачи, связанные с посещением невестой-сиротой кладбища. Обычай этот встречается во многих регионах России, в том числе и в Рязанской обл. Невеста-сирота над могилой умершего родителя просит благословения. Обычно в этой ситуации используются плачи речитативного склада, близкие к похоронным. В Шацком р-не была зафиксирована особая форма «кладбищенских» плачей. Их тексты традиционны. Обязателен зачин «Вы повеньте, ветры буйные» (с вариантами). При сравнении записей 1979 г. и 1990-х годов видно, как сокращался текст. В памяти информаторов остались лишь основные мотивы «грозной тучи», «бел-горюч камня», «клянкоровой»

или «альняной крышки». Интересно, что те же мотивы использовались в плаче, поющемся подружками умершей девушки, идущими с кладбища после похорон. Все образцы «кладбищенских» свадебных плачей обладают единой музыкальной стилистикой. Их звучание характеризуется информаторами как «жалостливое». Но более важным представляется «жанровое» ощущение женщин по отношению к этим произведениям. Все информаторы отмечали обязательное ансамблевое звучание «Ветров буйных», т.е. их исполнение как песен, а не как плачей.

Среди специфических обрядовых форм, встречающихся в Шацком р-не, можно отметить обычай утра свадебного дня под названием «зарю акликать». В записях 1979 г. этого термина нет. Записанный в 1995 г. плач «Желанная ты моя мамушка», сопровождавший «акликание зари», в музыкальном отношении весьма несовершенен. По зафиксированному звучанию можно судить об общности его стилистики с похоронными причитаниями. Обычай выводить невесту «на зорю» характерен для казаков Волгоградской обл., живущих в бассейнах рек Хопёр и Бузулук. В материалах экспедиций Московской консерватории 1970–1971 гг. (рук. А.С. Кабанов) есть несколько записей «акликания зори» из Новоаннинского р-на⁸³. Подобный обычай был зафиксирован также в Урюпинском и Киквидзенском районах. Все плачи такого рода были коллективными, с широкой распетой мелодикой и гетерофонным многоголосием (вплоть до пения большого ансамбля в один голос). Невеста не участвовала в этих плачах, она лишь «приухивала».

Ансамблевое исполнение плачей характерно для севернорусской песенной традиции. Казачьи коллективные плачи, исполняющиеся практически в один голос, к сожалению, научно еще не описаны и не проанализированы. В Шацком р-не нам не удалось зафиксировать полноценное ансамблевое звучание этих плачей-песен: мы можем сослаться лишь на рассказы информаторов, подчеркивавших, что «"Ветры буйные" кричали хором». Однако уже можно говорить об общности этих столь далеких по географии явлений, проявляющейся на уровне многоголосия, системы стихосложения, слогового ритма, а также «песенности», лиричности высказывания. Лирическая форма исполнения привела к тому, что на первый план вышел такой элемент стилистики, как мелодика. Ее распевность, волнообразное движение подчеркивают красоту и благородство звучания. Большинство записанных примеров имеет сходное ладово-мелодическое строение. В основе напева лежит большетерцовая ладовая ячейка с субквартой (реже – с субтерцией), VII ступень выполняет роль проходящего звука. Мелодия разворачивается таким образом, что устои, совпадающие с акцентуацией песенного тонического стиха, выстраиваются по нисходящей линии. Очень ярок кадансовый оборот, построенный на соотношении D–T. Его обыгрывание в плаче из села Токарёво влияет на зачинное восклицание «ох», которое в случае окончания песенной строки на D попадает на тонический устой, а при окончании строки на D–T распеваётся на нисходящем терцовом обороте.

В основе текстов «кладбищенских» плачей на первый взгляд лежит тонический 8–12-слоговой стих. Его природа подтверждается ритмической долготой на третьем слоге от начала стиха, а также отсутствием временной нормативности в полной стиховой строке, счетное время которой может сжиматься до 11 и расширяться до 18 четвертей. В похоронном варианте «Ветров буйных» мелодическая цезура в центральном разделе полностью сглажена. Но в большинстве примеров она оформлена довольно четко. Благодаря ей структура может быть представлена как силлабическая 5 + 5 слогов: «*И нанеситя / и тучу грѣзну...*».

Таким образом, музыкально-стилевые особенности шацких «кладбищенских» сиротских плачей с полным основанием позволяют отнести их к тому же временному и стилевому пласту, что и другие виды свадебных причитаний. Уникальность этого явления для рязанского региона проявляется прежде всего в коллективности исполнения и лиризации напева, что роднит эти примеры с северной причетной песней и коллективными плачами в донской фольклорной традиции.

Хуже всего в Шацком р-не сохранились песенные жанры, связанные с календарной

обрядностью. Показательный для области жанр новогодних поздравительных песен здесь характеризуется припевами «авсень», обычно модифицированными за счет восклицаний: «бай», «ай», «той», «эй». Музыкально-поэтическая форма песенок обычно нестрофична. Припев как «визитная карточка» жанра появляется лишь в самом начале, далее текст разворачивается по принципу однострочности. В некоторых случаях такая форма имеет арочное обрамление припевными словами. Ритмическая форма припева четырехмерна.

Ладово-мелодические структуры песенок не выстраиваются в цельную систему. Несмотря на большое количество записанных примеров (в каждом селе мы фиксировали обязательный вариант), единого типа ладовости в них нет. В какой-то мере выделяются напевы с опорой на ангемитонный трихорд. Возможно, здесь проявляется стереотип ладового мышления исполнителей, задействовавших в календарных песнях характерные для других жанров ангемитонные попеvky. То же происходит с терцовыми ячейками. Малая или большая терция оказывается центральным элементом более объемных построений. Третий тип ладовой организации – кварто-квинтовость.

Рязанским авсеньям, записанным в соседних районах (Сасовском, Кадомском, а также в Мещерской зоне), свойственно развитое многоголосие. Шацкие авсени преимущественно одноголосны: даже при записи ансамблей дело не шло дальше простой гетерофонии с элементами терцовой вторы.

Несомненно интересны записи редко встречающихся в области святочных гадальных песен. Их важной особенностью был припев «ай, лилю», к 1990-м годам трансформировавшийся в более привычное «люли». Сюжеты, обыгрываемые в гаданиях, традиционны, зато их музыкальное воплощение достаточно импровизационно. Исполнительницы соблюдают некие ладовые и структурные параметры. Напевы же у певиц, даже представляющих традицию одного и того же села, оказывались индивидуальными. Такое явление мы встречаем, например, в Липецкой обл., где святочные песенки для девушек пела одна, ведущая гадание женщина. В Шацком же р-не информаторы постоянно отмечали коллективное исполнение гаданий, следовательно, их музыкальная трактовка должна была быть достаточно стабильной. Скорее всего жанр многие годы был невостребованным, поэтому каждая певица была вынуждена искать свою мелодическую версию. Соблюдался лишь основной принцип – мелодия исходит из вершины источника, обыгрывая квартовую попевку (д. Малый Пролом). Временные же пропорции нестабильны, так как женщины строго следуют текстовой структуре.

Необыкновенно симпатично звучат шацкие бауканья. Стилистика этого жанра оказывается единой как для исследуемого региона, так и для всей области в целом. Перекликается она и со стилем других детских песенок, записанных в районе – считалочек, потешек, хороводников.

Шацкие песни гуляний и праздников идут в общем русле среднерусской и казачьей традиций. Плясовые песни «Ушли блины» (с. Лесное Ялтуново), «Я по бережку похаживыла», «А что это за муж» (с. Спасск) оказались приуроченными к масленичным гуляниям. Формы частушек «под язык», т.е. имитации гармошечных или балалаечных наигрышей голосом, характерны как для рязанской, так и для соседней с ней пензенской песенной традиции.

Инструментальная музыка в Шацком р-не ныне представлена игрой на балалайках и гармониях. Наиболее интересна сохраняющаяся в с. Борки традиция женской игры на саратовских гармониках. Связанная с посиделками, она сохранила для нас различные наигрыши под мужские и девичьи прибаски, различающиеся тембром и характером звукоизвлечения, а также типом пляски⁸⁴.

Не менее популярны в районе другие типы гармоней – двурядки, русские. В последние десятилетия многие гармонисты стали «профессионалами» – музыкантами, приглашаемыми на свадьбы, гулянья, беседы. Их репертуар обычен для региона. Это наигрыши под пляску: русская, барыня, елецкий; танцевальные: вальс, полька, краковяк, тустеп, яблочко, ночка. Часто гармонь выступает как аккомпа-

нирующий инструмент к таким видам напевов, как страдания-«досады», припевки «по-девичьи» и «по-ребячьи», «моршанская», «балашовская». Тот же репертуар имеют балалаечники, чья игра в быту встречается все реже. Когда-то в районе, например в с. Ямбирно, большой популярностью пользовались и инструментальные ансамбли – две балалайки, гитара, гармонь, но со временем эта традиция угасла.

Таким образом, музыкальный фольклор Шацкого р-на несет в себе черты нескольких региональных традиций. Он впитал в себя особенности музыкального языка разных переселенческих групп. Фольклор района, как и шацкие говоры, – сравнительно позднее образование. Он подтверждает выводы, сделанные на основании анализа этнографического и диалектного материала, являясь важным компонентом этнодиалектного исследования.

Примечания

¹ Гилярова Н.Н., Морозов И.А., Слепцова И.С. Традиционная празднично-игровая культура Шацкого района Рязанской области. Этнодиалектный словарь (в печати). Материалы для книги были собраны во время нескольких экспедиций в Шацкий р-он Рязанской обл. групп студентов и преподавателей Кабинета народной музыки (КНМ) Московской государственной консерватории им. П.И. Чайковского (МГК) под руководством Н.Н. Гиляровой (1979 г.), а также группы Ин-та этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Государственного Республиканского центра русского фольклора и Рязанского областного научно-методического центра народного творчества в составе И.А. Морозова и И.С. Слепцовой (1993–1997 гг.). На тех же принципах основано и подготовленное нами издание по одному из регионов Русского Севера: Морозов И.А., Слепцова И.С., Островский Е.Б., Смольников С.П., Милохина Е.А. Духовная культура Северного Белозерья. Этнодиалектный словарь, М., 1997.

² См. публикации пробных вариантов статей словаря: Морозов И.А. Из рязанского этнодиалектного словаря: «Похороны таракана» // Живая старина. 1996. № 4. С. 2–6; Слепцова И.С. Из рязанского этнодиалектного словаря: Русалка // Там же. С. 6–8; *ее же*. Об одном мифологическом персонаже, связанном с прядением (рязанская Коляда) // Рязанский этнограф. вестник. Этнография и фольклор Рязанского края. Матер. Российской науч. конф. к 100-летию со дня рождения Н.И. Лебедевой (1-е Лебедевские чтения. 6–8 декабря 1994 г.). Рязань, 1996. С. 63–65; *ее же*. Весенние «жаворонки» Шацкого района Рязанщины // Народное творчество. 1996. № 1. С. 29–30; *ее же*. Свадебные блюда в Шацком районе Рязанской области: *разгонщик* // Palaeoslavica. [Boston]; Cambridge (Massachusetts), 1998. V. 6. P. 335–340.

³ Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995. С. 21.

⁴ Подвысоцкий А.О. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885; Куликовский Г.И. Словарь областного олонекского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898; Добровольский В.Н. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914.

⁵ Иванова А.Ф. Словарь говоров Подмосковья. М., 1969; Словарь псковских говоров. Вып. 1. М., 1967 и следующие выпуски; Словарь смоленских говоров. Вып. 1. Смоленск, 1974 и следующие выпуски; Словарь Брянских говоров. Вып. 1. Л., 1976 и следующие выпуски.

⁶ Журавлев А.Ф. Этнодиалектное членение Костромского региона по данным скотоводческой магии и обрядовой фразеологии (на материалах анкеты «Куль и народное сельское хозяйство») // Ареальные исследования в языкознании и этнографии (язык и этнос). Сб. научных трудов. Л., 1983.

⁷ Толстая С.М. Полесский народный календарь. Матер. к этнодиалектному словарю (А–Г) // Славянское и балканское языкознание: Язык в этнокультурном аспекте. М., 1984. С. 178–200 (Предисловие, буквы А–Г); *ее же*. Указ. раб. (буквы Д–И) // Славянское и балканское языкознание. Проблемы диалектологии. М., 1986. С. 98–131; *ее же*. Указ. раб. Славянский и балканский фольклор. Духовная культура Полесья на общеславянском фоне. М., 1986. С. 178–242 (буквы К–П); *ее же*. Указ. раб. Славянский и балканский фольклор. Этнолингвистическое изучение Полесья. М., 1995. С. 251–317 (буквы Р–Я); Гура А.В. Из полесской свадебной терминологии. Свадебные чины (словарь: Б–М) // Славянское и Балканское языкознание: Язык в этнокультурном аспекте. М., 1984. С. 137–177; *его же*. Указ. раб. Славянский и балканский фольклор. Духовная культура Полесья на общеславянском фоне. М., 1986. С. 144–177 (Н–Свашка); *его же*. Указ. раб. Славянский и балканский фольклор. Этнолингвистическое изучение Полесья. М., 1995. С. 318–334 (Свеночельники–Ш).

⁸ Запись сделана И.С. Слепцовой от А.С. Шуйчиковой (род. в 1925 г. в д. Богослов, проживает в с. Фёдорово Шацкого р-на).

⁹ Богатырев П.Г. Вопросы теории народного искусства. М., 1971.

¹⁰ Монгайт А.Л. Рязанская земля. М., 1961. С. 139.

¹¹ Там же. С. 139.

¹² Мокшин Н.Ф. Этническая история мордвы. Саранск, 1977. С. 62.

¹³ Там же. С. 70; Мизис Ю.А. Заселение Тамбовского края в XVII–XVIII вв. Тамбов, 1990. С. 11.

¹⁴ Мокшин Н.Ф. Указ. раб. С. 73.

¹⁵ Зеленин Д.К. Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением заднеязычных согласных в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации. СПб., 1913. С. 34–36.

¹⁶ Черменский П.Н. Очерки по истории колонизации Тамбовского края // Изв. Тамбовской ученой архивной комиссии. Вып. 54. Тамбов, 1911. С. 194.

¹⁷ Зеленин Д.К. Указ. раб. С. 46–47.

¹⁸ Рождественский С.В. Служилое землевладение в Московском государстве XVI века. СПб., 1897. С. 289.

¹⁹ Перечислим их: **Казачинская вол., Малопроломское общество:** с. Алеево, с. Старое Березово, селцо Гавриловское, д. Зеняковка, д. Ишеева Гора, Казачья Слобода, селцо Лотказино, селцо Никоново, с. Большой Пролом, с. Малый Пролом, Пушкарская Слобода, Разсылная Слобода, д. Рязановка, д. Большой Студенец, с. Малый Студенец, Стрелецкая Слобода, селцо Татариново, д. Татарская Тархань, д. Тенеюпина, села Старое и Новое Чернеево, Ямская Слобода, д. Ярново; **Высоковское общество:** с. Высокое (Гунколь тож); **Казачинское общество:** д. Кашеляевка (Дюк тож), д. Липовка, д. Липяная (Дюк тож); д. Ольхи; **Вановская вол., Вановское общество:** с. Вановье, с. Княжое, с. Покровское; **Ново-Чернеевское общество:** с. Сюп-Тархань. – Алфавитный список населенных мест Шацкого у. // Тамбовские губ. ведомости. 1859. № 23, 25–38.

²⁰ Список населенных мест по сведениям 1862 года. Т. XLII. Тамбовская губ. СПб., 1866. С. XXXV.

²¹ Наказ из Поместного приказа П.С. Воейкову и подьячему Постнику Ракову для описания Касимовского уезда. [1627 г.] // Акты писцового дела: Матер. для истории кадастра и прямого обложения в Московском государстве. Т. 1. М., 1913. С. 565.

²² Зеленин Д.К. Указ. раб. С. 336. По мнению П.Н. Черменского, Подлесный стан соответствовал Шацкому у. См.: Черменский П.Н. Культурно-исторический очерк Тамбовской губ. Вып. 1. Тамбов, 1926. С. 14.

²³ Сб. статистических сведений по Тамбовской губ. Т. 6. Шацкий у. Тамбов, 1884. С. 37.

²⁴ Благовещенский Н.А. Четвертное право. М., 1899. С. 283.

²⁵ Переписи населения России. Итоговые материалы подворных переписей и ревизий населения России (1646–1858). Вып. III–X. М., 1972.

²⁶ Летописец русский. Рукопись конца XVII в. // Чтения в Обществе истории и древностей Российских. 1896. Кн. 3. С. 9. Цит. по: Зеленин Д.К. Указ. раб. С. 333.

²⁷ Заничева Л.Г. Социально-экономическое положение крестьян Шацкого уезда в XVII веке // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1962. Минск, 1964. С. 203.

²⁸ Так, в 1636 г. Боярская дума приняла указ, по которому было разрешено покидать своих владельцев и переходить на службу в новые города бывшим служилым людям, оказавшимся в крестьянах с 1613 г. В 1649 г. Соборным Уложением устанавливался бессрочный сыск беглых крестьян. В 1653 г. выходит указ о возвращении беглых, пришедших на черту после 1649 г. В 1656 г. устанавливается срок возврата беглых с черты с 1653 г. В 1675 г. было запрещено возвращать всех беглых, обученных военному строю. См.: Заничева Л.Г. Указ. раб. С. 204.

²⁹ Заничева Л.Г. Крестьянские побеги во второй половине XVII в. (по материалам сыска Г.С. Исупова в Мещерском крае) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1964. Кишинев, 1966. С. 232.

³⁰ Новосельский А.А. Отданные книги беглых как источник для изучения народной колонизации на Руси в XVII веке // Тр. Историко-архивного ин-та. Т. II. Кафедра вспомогательных исторических дисциплин. М., 1946. С. 21.

³¹ Дубасов И.И. Очерки из истории Тамбовского края. Вып. 1. М., 1883. С. 166–167; Дубинская Л.Г. Поместное и вотчинное землевладение Мещерского края во второй половине XVII в. // Дворянство и крепостной строй России XVI–XVIII веков. М., 1975. С. 123; Шватченко О.А. Светские феодальные вотчины России в первой трети XVII века. М., 1990. С. 50.

³² Дубасов И.И. Указ. раб. С. 227–228. Присуд – мелкая административная единица, включавшая в себя несколько населенных пунктов.

³³ Шватченко О.А. Указ. раб. С. 50, 57, 74, 85, 99.

³⁴ Список вотчинников см.: Шватченко О.А. Указ. раб. С. 127, 134, 144, 146, 166, 168, 174, 175, 183.

³⁵ Водарский Я.Е. Дворянское землевладение в России в XVII–первой половине XIX в. М., 1988. С. 185.

³⁶ Зеленин Д.К. Указ. раб. С. 335.

³⁷ Например, «шатцкие мурзы Алей мурза Брюшев сын Тенишев, крещен в православную крестьянскую веру во 151 [1643] году, во крещение имя ему Микифор. Ивокай мурза Алышев сын Тюменев крещен в православную крестьянскую веру во 152 году, во крещение имя ему Василий. Государева жалованья поместные им оклады учинены по 450 чети, денег по 25 рублей человеку» – О взятии из Сибири

новокрещеного кн. Д. Алачева за то, что он «живет среди остяков в православной христианской вере некрепко» и об испомещении его в русских городах. 1643–1646 // Чтения в Обществе истории и древностей Российских. 1910. Кн. 3. Смесь. С. 15. Или см. также дело 1738 г. по челобитью городского дворянина П.П. Исеева на крепостных деревни Тювеевой, отказанных ему за принятие крещения – Матер. для исторического и церковно-археологического описания Шацкого у. Тамбовской губ. // Изв. Тамбовской ученой архивной комиссии. Вып. 9. Тамбов, 1886. С. 74.

³⁸ Полн. собр. законов Российской Империи. Собр. I. Т. V. № 2734. СПб., 1830. С. 66.

³⁹ Дубасов И.И. Указ. раб. Вып. 2. С. 41–43.

⁴⁰ Черменский П.Н. Очерки по истории колонизации... С. 257.

⁴¹ Дубасов И.И. Указ. раб. Вып. 1. С. 169.

⁴² Ср. список сел 1678 г., приведенный П.Н. Черменским в работе «Очерки по истории колонизации...» С. 234–238 и «Алфавитный список населенных мест...» 1859 г.

⁴³ Сб. статистических сведений по Тамбовской губ. Т. 6. Шацкий у. Тамбов, 1884. С. 40.

⁴⁴ Цит. по: Смирнов И.Н. Обрусение инородцев и задачи обрусительной политики // Ист. вестник. Т. 47. 1892. Март.

⁴⁵ Так, указом 1649 г. иноверцам запрещалось иметь у себя во дворе лиц православного вероисповедания. См.: Соборное Уложение. Гл. XX, п. 70 // Полн. собр. законов Российской Империи. Т. I. СПб., 1830. С. 128.

⁴⁶ Список населенных мест... С. XXXVII.

⁴⁷ Козлов В.И. К вопросу об изучении этнических процессов у народов СССР // Сов. этнография (далее – СЭ). 1961. № 4. С. 63.

⁴⁸ Козлов В.И. Расселение мордвы-эрзи и мокши // СЭ. 1958. № 2. С. 50.

⁴⁹ Список населенных мест... С. XXXVII.

⁵⁰ Там же. С. XXXV.

⁵¹ Черменский П.Н. Культурно-исторический очерк... С. 21, 24.

⁵² Сб. статистических сведений... С. 147–149, 166–168.

⁵³ Там же. С. 174.

⁵⁴ Там же. С. 176–177.

⁵⁵ Хабургаев Г.А. Этнический состав Древнерусского государства и образование трех восточнославянских народностей // СЭ. 1972. № 1. С. 93–96; *его же*. Этнонимия «Повести временных лет». М., 1979. С. 22.

⁵⁶ Дурново Н.Н., Соколов Н.Н., Ушаков Д.Н. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе // Тр. Московской диалектологической комиссии. Вып. 5. М., 1915.

⁵⁷ Там же. § 15. С. 15–18; § 28. С. 27–28.

⁵⁸ Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. М., 1957. Карта № 38.

⁵⁹ Захарова К.Ф., Орлова В.Г. Диалектное членение русского языка. М., 1970. С. 102–108, 132–134 и прилагаемая «Диалектологическая карта русского языка».

⁶⁰ Атлас русских народных говоров... Карта № 18.

⁶¹ Там же. Карта № 40.

⁶² Совпадение аффикат «ч» и «ц» в «ц» еще недавно фиксировалось в с. Большое Агишево, а в прошлом отмечалось в селах Темёшево, Купля, Желанное, Львовка.

⁶³ Слепцова И.С. Об одном мифологическом персонаже, связанном с прядением (рязанская Коляда) // Рязанский этнограф. вестник. С. 63–65; Земцовский И.И. Поэзия крестьянских праздников. Л., 1970. С. 72. № 22 (с. Усмынь Псковской обл.); Добровольский В.Н. Смоленский этнограф. сб. Ч. 4. М., 1903. С. 15. № 4.

⁶⁴ Толстая С.М. Полесский народный календарь... (буквы К–П). С. 179–184.

⁶⁵ Ср. название «кутья» для рождественского сочельника в Полесье: Там же. С. 191–192.

⁶⁶ См., напр.: Ивлева Л.М., Ромодин А.В. Масленичная похоронная игра в традиционной культуре белорусского Поозерья // Зрелищно-игровые формы народной культуры. Л., 1990. С. 196–203; Морозов И.А., Слепцова И.С. Свидание с предком (пережиточные формы ритуального брака в святочных забавах рязанских) // Секс и эротика в традиционной русской культуре. М., 1996. С. 262–317.

⁶⁷ Самодолова Е.А. Рязанская свадьба. Исследование местного обрядового фольклора. Рязань. 1993. С. 296–297.

⁶⁸ Этой проблеме посвящена значительная часть книги В.И. Еремичей (Ритуал и фольклор. Л., 1991).

⁶⁹ Села Черная Слобода, Борки, Лесное и Польное Конобеево, Лесное и Польное Ялтуново, Аксельмеево, Шаморга, Алемеево, Желанное, Завидное.

⁷⁰ См. нашу заметку: Живая старина. 1996. № 4 (разворот обложки).

⁷¹ Нами записан, например, вариант этого текста из с. Романовы Дарки Путятинского р-на. Тексты из Ермишинского и Спасского районов см.: Тульцева Л.А. Рязанские «таусеньки» в свете историографии вопроса «Что такое Авсень?» // Рязанский этнограф. вестник. С. 75. См. также варианты из Владимирской,

Нижегородской, Пензенской губерний: *Земцовский И.И.* Поэзия крестьянских праздников. Л., 1970. С. 53–55, 82, 101 и др.

⁷² Вопросы связи истории заселения со своеобразием местной певческой традиции русская фольклористика поставила уже в 50-е годы XIX в. (см.: *Стихович М.* Русские народные песни. М., 1964). В последние годы вопросам изучения местных традиций отечественные фольклористы уделяют особое внимание. Обобщения с учетом состояния разработки этой темы на 1977 г., были сделаны В.М. Щуровым в статье «О региональных традициях в русском народном творчестве» (сб. Музыкальная фольклористика. Вып. 3. М., 1986. С. 11–47). Определяя специфику региональной стилистики, мы должны учитывать исторические, социально-экономические, географические и этнические компоненты. Все это, несомненно, влияет на жанры музыкального фольклора и его стилистику.

⁷³ *Листопадов А.* Песни донских казаков. Т. 2. М., 1950; Т. 3. М., 1951.

⁷⁴ Недаром она почти полностью отсутствует в имеющихся изданиях. См.: *Бацер Д., Рабинович Б.* Русская народная музыка. Нотографический указатель. Т. 1. М., 1981; Т. 2. М., 1984.

⁷⁵ Ср.: *Гилярова Н.Н.* Музыкальный фольклор Рязанской обл. Рязань, 1994. С. 72.

⁷⁶ Подробнее о песенном стихосложении см.: *Руднева А.В.* Русское народное музыкальное творчество. Очерки по теории фольклора. М., 1994. С. 11–25, 80.

⁷⁷ Основной признак обиходности А.В. Руднева видела в обиходном перечении, «ложном хроматизме». См.: *Руднева А.В.* Указ. раб. С. 138–139.

⁷⁸ Именно эта песня аналогична варианту «Казак по Дону гуляет» из собрания А. Листопадова (Т. 2. № 14). Сравнивая тексты, мы видим, что рязанский вариант продолжительнее. Его музыкально-поэтическая форма ближе к традиционной лирике (со второй строфы песни появляется сольный запев, основанный на повторении последнего полустушия предшествующей строфы). Ладовая структура рязанского варианта, однако, более традиционна (натуральный минор).

⁷⁹ См.: *Гилярова Н.Н.* Музыкальный фольклор... С. 126–127.

⁸⁰ КНМ, материалы экспедиции МГК 1971 г. (рук. А.С. Кабанов).

⁸¹ Для локальных рязанских традиций (окской или мещерской) не характерно исполнение обрядовых песен на запое. «На запой песен не играли», «На запой какую хошь играй», «На запой только плясали, и то аккуратненько», – так обычно говорили информаторы. Обыгрывание гостей за столом также приходилось либо на застолье в доме невесты перед отъездом к венцу, либо на послевенечное пирование. Таким образом, мы можем считать, что обрядовые песни на запое в Шацком р-не – явление специфическое.

⁸² См.: *Гилярова Н.Н.* Народная музыкальная культура Мещеры. Автореф. дис. ... канд. искусствоведения. М., 1986. С. 19.

⁸³ Напр., в хуторе Рожновский Новоаннинского р-на Волгоградской обл. невесту вечером или рано утром выводили на двор и пели:

Уж вечерняя зоренька испотухается.
И то у нашей у девушки волюшка имеется.
Уж отволила я свою волюшку у корьмилца батюношки.
Уж отжилась я у нежной у родимой мамунюшки.
Уж родимый мой батюшка!
Уж встречай ты своих гасюничков,
А моих разлучников

[КНМ. И. 1305–38].

⁸⁴ Примеры борковской игры на саратовских гармониках см.: диск «У нас горенка висока» (STEREO R20 01169).

I.A. Morozov, I.S. Sleptsova, N.N. Gilyarova. Shatsk Ethnodialectical Dictionary (Towards the Problem of Local Traditions Complex Study Methods)

There are submitted the materials of ethnodialectical dictionary in the article which is the experience of complex description of folk-ethnographic reality on not large south-east Ryazan region territory. The materials are devoted to different aspects of spiritual culture such as calendar and family holidays and rituals and also some folk genres.